

НОВАЯ ПОЛЬША 6/2005

Содержание

1. ТРИНАДЦАТЬ ЕВРОПЕЙСКИХ УПРАЖНЕНИЙ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ИЗ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАТЫНСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ
4. НЕИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД РАБОТЫ КОМИССИИ БУРДЕНКО
5. КАТЫНЬ БУДЕТ РАЗДЕЛЯТЬ ВСЕГДА
6. СТИХИ ИЗ КНИГИ «КАМЕНЬ, ИНЕЙ»
7. НЕОБЫЧАЙНЫЕ ЭЛЕГИИ
8. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
9. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
10. В БРЮХЕ МЕДНОГО БЫКА

ТРИНАДЦАТЬ ЕВРОПЕЙСКИХ УПРАЖНЕНИЙ

Поворот в восточном направлении

Константин, май 2004

В те времена, о которых я рассказываю, еще не вызывал удивления тот факт, что в исключительных обстоятельствах писатели разных стран устраивают международные встречи и беседуют о народах — как бы от имени или вместо народов, потому что народам это было бы слишком трудно. Точно так же, как не вызывал и по сей день не вызывает удивления тот факт, что таким образом строят свою повседневную деятельность политики. Правда, писатели, возможно, делают это не так лицемерно. Но политики считают, что только они компетентны. Сомневаюсь, подтвердит ли это история. Может, все-таки народам лучше, когда от их имени говорят их писатели, чем когда выдумывают, что делать, их политики.

Вскоре после берлинского съезда по вопросу объединения Германии мне был задан новый тип европейского упражнения. Тему предложили не немцы, а польский поэт Виктор Ворошильский: побеседовать с русскими писателями о Польше и России. Он сам выбрал и пригласил гостей из еще существовавшего Советского Союза. Целью был диалог, а скорее первая попытка свободного диалога, наконец возможная ввиду «перестройки» и «гласности» — чтобы использовать два тогда самых модных русских слова, не знаю, самых ли модных в России, но на Западе точно.

Какой-то диалог о России состоялся, правду говоря, и с самими поляками. Я провел его только частично. У двух моих близких друзей и сотрудников по недавнему оппозиционно-подпольному прошлому я столкнулся с неодобрением. Известный литературный критик Томаш Бурек вообще осудил инициативу Виктора Ворошильского, неуместную, как он сказал мне, перед лицом не оплаченных Россией счетов за нанесенные Польше обиды. На встречу с «советскими» русскими он не приехал. Приехал русист, тогдашний директор телевидения Анджей Дравич и выступил, но — для разнообразия — был недоволен тем, что я совершенно ненужно раздражал гостей спорными темами.

Диалог

Радзеёвице, апрель 1990

Я заглянул в греческий словарь, чтобы проверить, в каких значениях первоначально употреблялось слово «диалог». Оказалось, что словарь приводит только одно значение, всем хорошо известное: *dialogos* — разговор, диалог. И только один пример употребления слова древнегреческим писателем нашелся в словаре. Цитируется Платон: диалог души с самой собою.

А может быть, такой диалог души с самой собою и есть единственный диалог, который ведет человек благодаря литературе? Порождает ли вообще литература другие диалоги? Делает ли их возможными? Выручает ли она в каких-то диалогах? Не знаю.

Чтобы сказать, например, что в литературе происходит диалог русских с поляками, надо бы с определенной специфической точки зрения изучить обе литературы и оба общества, на что меня, разумеется, не хватит.

Признаем некий бьющий в глаза факт: Россия — побольше, Польша — поменьше.

Ну и что? Это все знают. Что же может внести в диалог русских с поляками такая банальная истина? Мне кажется, может, если посмотреть на вопрос свежим и непредубежденным взглядом.

С этой целью временно забудем, что мы говорим о Польше и России. Представим себе какие-то два другие существа, создания, организма, лишь бы с одной стороны было нечто куда большее, а с другой — нечто куда меньшее.

А раз мы писатели, то начнем сочинять рассказ об этих двух существах. И станем сочинять не фальшивый и искусственный сюжет, а простой и естественный.

Ну и какой же замысел придет нам в голову в первую очередь? Спорю, что прежде всего мы представим себе, что это большое существо хочет съесть маленькое. Так мы это мыслим с детства, таков наш опыт, общее знание о мире и объективная истина.

Но вскоре мы, вероятно, задумаемся, особенно когда осознаем, что этим большим нечто можем быть мы сами, потому что поблизости от нас всегда попадается что-то поменьше.

Ах, нет! — подумаем мы. Такую прожорливость мы находим только у хищников, например, у щук, может быть, у каких-то ассирийцев, ацтеков, ну еще, может, у немцев. И представим себе много других рассказов, например, психологических, о существе побольше и существе поменьше. К таким рассказам я еще вернусь. Но утверждаю, что наше литературное воображение развернется исходя из основополагающей и очевидной картины, т.е. из пожирания того, что поменьше, тем, что побольше.

Мы не должны удивляться, что так работает воображение народов, особенно народов поменьше, которые уже не раз побывали в зубах, а то и прямо в брюхе какого-нибудь колосса и чудом оттуда выбирались. Их историческое, политическое — и как там еще его назвать — воображение опирается на воспоминания о том, как их кусали, раздирали и как они проваливались в глотку чудовища. Часто оно не может выйти за пределы очевидной и основополагающей картины пожирания, грозящего народу.

Воображение поляка вырастает из по меньшей мере двухсотлетнего фундамента такого опыта. Оно помнит резню жителей правобережной Варшавы, устроенную солдатами Суворова, и помнит Катынь. В сфере духовных репрессий оно помнит также запрет учиться в школах по-польски и запрет говорить о Катыни, попытки насильственного обращения в православие и насильственного обращения в коммунизм. Помнит виселицы с повешенными в XIX веке и товарные вагоны с тысячами депортированных в XX м. С точки зрения русского это как бы второстепенные вопросы, которыми нет причины заниматься особо, ибо русское воображение переполнено более страшными драмами — своими и столь бездонными, что их вообще ни с чем не сравнишь.

Тут я хотел бы отметить нечто, слабо осознаваемое поляками. Между Россией и Польшей случались и обратные ситуации, когда Польша была больше России, необязательно с территориальной точки зрения. Поляка может поразить открытие, какую важную роль в русском воображении и традициях играет факт, для польской страны эпизодический и маловажный, — вторжение польского войска в Кремль и незадачливый замысел посадить на царский трон польского короля, а вдобавок даже заставить Россию перейти в католичество. Дело происходило в 1610 г., но русские этого не забыли, хотя прежде всего помнят о торжестве России, изгнавшей польских захватчиков в 1612 году.

Обратите, пожалуйста, внимание: поляки повели себя здесь «по-русски». Вторглись в чужую страну, вынуждены были оттуда убраться и считают, что это была незначительная мелочь, ибо им хватало и хватает трагедий посерьезней. Русские повели себя «по-польски»: превратили событие в легенду, раздули ее значение, насочиняли поэм, опер, памятников и чванятся этой мешаниной поражения и победы так, как это типично — о диво! — для более слабой стороны.

Тут уже можно вернуться к нашим отложенным психологическим рассказам о существе побольше и существе поменьше. Перед лицом смертельной опасности маленький зверек обычно раздувается, топорщится и пыжится, потому что хочет любой ценой стать побольше. Это не от глупости, а от отчаянного желания уцелеть.

Не так ли отчасти и поляки в последние двести лет стараются прибавить себе величия? Этому служит как их политическая бравурность, так и возвышенное художественно творчество или, например, некоторая претенциозность в обычаях. Благодаря всяким таким штучкам поляки часто зарабатывают у русских репутацию раздражающих гордецов, лицемеров, а частично и дураков.

Ах, вот оно! Этот обширный горизонт большого существа! Его львиная мудрость! Его львиные доли, высшие цели и миссии! Его братская общность с малыми!

Суть в том, что малые существа обычно не хотят братской общности с большими, а большие — не могут понять, почему. Как я уже сказал, некогда Польша была большой, хотя необязательно с территориальной точки зрения. Ну и что? Если бы Россия тогда захотела, после вторжения поляков в Кремль, принять польского короля, а вдобавок обратиться в католичество и вообще сделать из себя Запад, разве это не принесло бы ей многочисленных выгод? Может, потом обошлась бы без Петра Великого, Кутузова, Ленина, Сталина? Может, даже не возмущдалась бы в Горбачеве и Ельцине? Но Россия как-то не приняла во внимание эту возможность.

Конечно, если бы полякам в свое время понравился панславизм и если бы они помогли ему победить, тоже было бы все в порядке и наверное дело не дошло бы до польско-советской войны 1920 года, пакта Риббентропа — Молотова, Катыни и Варшавского договора.

Ничего у нас не клеилось. То есть: не клеилось большее с меньшим.

Но есть еще одна мысль, которую русские внушают полякам. Не можем ли мы признать общность страданий? Русские считают, что русских страданий больше, так пусть поляки перестанут напоминать отдельно и приоритетно о своих меньших страданиях. Пусть согласятся, что в массовых бедствиях сталинизма они участвовали пропорционально и **наравне со всеми**. Так будет справедливо. Разве в сталинском государстве голодали только депортированные в СССР поляки? Куда больше русских голодало. Разве уничтожали только поляков? Уничтожили миллионы других. Труп лежит рядом с трупом, и большинство — не поляки. По мнению русских, полякам нужно влиться в это страшное множество, отождествиться с русским большинством и прекратить свои особые жалобы, звучащие жалко и как бы неуместно.

Не советую русским хвататься за такую мысль. Не советую им искать общности, которую составляют одни жертвы, а палачи теряются.

Поляки не были палачами — это и отличает их от пресловутых «всех». И еще то, что они были не из тех краев и вообще никогда не должны были оказаться в местах, где им пришлось испытывать эту коллективную судьбу наравне со всеми.

Я советовал бы отбросить мысль о примирении русских и поляков таким образом, чтобы тем и другим пришлось признать, что в недавнем прошлом их якобы соединяла общность одной и той же трагической судьбы. Ибо этого не было, а предлагать эту идею — нравственно нечисто.

Однако чувствуем мы и другое — что, говоря об общности трагической судьбы в экзистенциальном человеческом аспекте, мы близки к одной важной истине. Мы чувствуем, что примирение, терпимость, снисходительность, дружба и общность — это общие добрые цели, к которым народы должны стремиться.

Истинную общность между народами устанавливают только отдельные люди. Хотелось бы сказать русским так: иногда, чтобы создать истинную общность, надо сначала отбросить ложную. И надо разделиться. Надо, главное, разделиться на людей. Может, я что-то такое как раз делаю?

Собственно говоря, с этого и надо начать: разделить национальные множества, которые в конце концов всего лишь понятия, на живые личности, обладающие душой. Например, свести пару «русский и поляк», «советский гражданин и польский гражданин» к состоянию «человек и человек»? Или,

наоборот, не свести, а возвести их в это достоинство? Потому что, на мой взгляд, человеческое значит куда больше, чем национальное и государственное.

Но в своей человечности никто не больше другого и никто не меньше. Люди равны, точнее имеют шансы на равенство, которых никто ни у кого не отнимет, разве что сам у себя.

Правдивая литература — художественная, мемуарная, документальная — дает свидетельства того, что в самых тяжелых обстоятельствах, в лагерях, тюрьмах, на войне, среди бездомных, голодных, больных, возникала общность между поляком и русским, существовали сострадание, солидарность и взаимопомощь, обладавшая самой высокой ценностью, так как она требовала самоотречения, отваги, иногда прямо-таки героизма.

В те времена, которые сейчас уходят в историю, поляки знали среди русских врагов и палачей, знали апатичную серую массу, но знали и людей благородных, добрых, мудрых, необычайно стойких и, можно бы сказать, святых. Таким людям я приношу здесь свои скромные почести.

*

Яцек Бохенский (1926 г.р.) — писатель, в 1997–1999 гг. председатель Польского ПЕН-клуба, один из учредителей и редакторов независимого журнала «Запис», выходившего не подцензурно до 1981 года. Автор книг «Божественный Юлий», «Назон-поэт», «Состояние после коллапса», «Капризы пожилого господина». Книга «Тринадцать европейских упражнений» только что вышла в издательстве «Свят ксёньжи» («Мир книги»).

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Сейм единогласно принял резолюцию в связи с 60 летием окончания II Мировой войны, в которой, в частности, говорится: «Польша, подвергшаяся нападению 1 сентября 1939 г., первая с оружием в руках выступила против гитлеровской агрессии (...) Польша выставила четвертую по численности (после советской, американской и британской) регулярную армию, сражавшуюся с врагом на суше, на море и в воздухе. Поляки создали самую крупную подпольную армию, которая участвовала в сотнях боев, включая такое беспрецедентное сражение, каким стало Варшавское восстание, поглотившее сотни тысяч жертв. Победа союзников не вернула нашим отцам и дедам долгожданной независимости, но принесла новую зависимость и коммунистическое порабощение. В стране воцарился террор (...) Мы напоминаем, что эта самая кровавая в истории человечества война стала следствием безумной политики гитлеровской Германии (...) Путем к осуществлению ее замыслов был подписанный 23 августа 1939 г. пакт Риббентропа—Молотова. Польша стала первой жертвой двух заключивших союз агрессоров (...) Однако уважение к истине и истории требует, чтобы варварство и преступления сталинизма не заслонили тех огромных жертв, которые понесли народы, населявшие СССР, сражаясь с гитлеровской Германией с июня 1941 года. Сейм Республики Польша воздает дань уважения миллионам бойцов Красной Армии, в том числе погибшим в 1944–1945 гг. на польской земле во время победного наступления на Берлин. Установленный в Ялте послевоенный порядок привел к тому, что в Центральной и Восточной Европе воцарилась коммунистическая система, а демократия могла наступить только спустя 45 лет после окончания войны». («Газета wyborча», 5 мая)

• Из выступления президента Александра Квасневского 7 мая во Вроцлаве на торжествах по случаю 60 летия окончания II Мировой войны: «В заключительный период войны на всех ее фронтах сражалось около 600 тыс. польских солдат (...) На нашей земле в боях с немецкими войсками погибло около 600 тыс. солдат Красной Армии (...) XX век был веком не одного, а двух тоталитаризмов. Поляки во всей полноте испытали на себе жестокость обоих. Как справедливо заметил (...) Норман

Дэвис, „место между Гитлером и Сталиным было самым неудобным местом на земном шаре”. Мы убедились в этом в сентябре 1939 г., когда во исполнение пакта Риббентропа—Молотова состоялся четвертый раздел Польши, а затем и порабощение прибалтийских государств. Это факты, о которых невозможно забыть — так же, как не можем мы забыть фотографий, на которых видно, как немецкие и советские солдаты участвуют в совместном параде после подавления польского сопротивления (...) Мы с возмущением и горечью вспоминаем, что, когда в московском небе гремел салют в честь победы, шестнадцать лидеров подпольной Польши сидели в казематах Лубянки. Трое из них были казнены». (*«Газета выбора»*, 9 мая)

• «Выставка на Уяздовских аллеях (...) На тротуаре расставлены металлические каркасы, на которых вывешены 80 портретов солдат, офицеров и санитарок. Это варшавские повстанцы и бойцы польского подпольного государства, преследовавшиеся аппаратом госбезопасности в 1944–1956 годах. Им посвящена эта выставка под открытым небом напротив бывшего здания министерства госбезопасности (...) Перед многими портретами сразу же появились цветы и горящие свечи. „А когда война кончится, высохнет кровь, по аллеям с парадом пройдем мы вновь...” — пели они в августе 1944 года. Не довелось. Вместо триумфального победного шествия их повезли по Уяздовским аллеям в тюрьму. Им было чуть больше 20 лет». (*«Жечпосполита»*, 10 марта)

• «Хотя в ходе берлинской операции погибло более десяти тысяч польских солдат, СССР не согласился создать в Берлине хотя бы самое маленькое польское воинское кладбище или выделить участок на одном из двух гигантских советских кладбищ, несмотря на то что международное право предписывает хоронить военных там, где они погибли. Часть останков вывезли за Одер [на территорию Польши]. Судьба остальных неизвестна». (*Цезарий Гмыз, «Впрост»*, 8 мая)

• «Нам удалось разыскать 87-летнего Антония Яблонского, одного из трех бойцов дивизии им. Тадеуша Костюшко, которые 2 мая 1945 г. первыми водрузили польский флаг на колонну Победы в Берлине (...) Сегодня он живет на 640 злотых пенсии и ветеранской надбавки. Глядя на 24 ордена и медали, полученные им за военные заслуги, он вспоминает прошлое. Его не пригласили на московские торжества. Никому не хотелось вспоминать, кто первым водрузил флаг на колонну, да вдобавок еще и бело-красный». (*Ежи Данелевич, «Ньюсуик-Польша»*, 8 мая)

- Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, за год число сторонников Евросоюза возросло. В канун вступления Польши в ЕС их было 61%, а противников — 28. Сейчас сторонников — 74%, а противников — 18. («Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая)

- «В 2004 г. иностранные фирмы инвестировали в Польше почти 8 млрд. долларов. Полоса неудач нашей страны кончилась (...) По сравнению с 2003 г. стоимость проектов иностранных фирм увеличилась на 23% (...) Растет также число новых рабочих мест на иностранных предприятиях. В 2004 г. иностранцы обещали принять на работу 14,8 тыс. человек. Годом раньше работу в иностранных фирмах получили 10 тыс. поляков». («Жечпосполита», 2 апр.)

- «Польша занимает одно из первых мест в Евросоюзе по уровню безработицы — 16,2%». («Пшеглёнд православный», май)

- «Согласно последнему отчету Всемирного банка, условия деятельности предпринимателей в Польше улучшаются слишком медленно, а суды работают чуть ли не медленнее всех на свете. Польши нет в первой двадцатке стран, в которых легче всего действовать предпринимателям. Мы занимаем лишь 45 е место — на три места ниже, чем в 2004 году». («Газета wyborча», 14 апр.)

- «В этом году государственная казна получит около 2 млрд. злотых дивидендов — в два раза больше, чем планировалось. Это результат благоприятной конъюнктуры — но не только. Многие государственные фирмы получили в прошлом году рекордную прибыль. Некоторые предприятия удвоили ее или даже утроили. Распределение этой прибыли пополнит и бюджет». («Жечпосполита», 18 апр.)

- «В 2003 г. польские предприятия получили рекордные государственные субсидии — 28,6 млрд. злотых, т.е. 3,5% ВВП (годом раньше эта сумма составила только 10,3 млрд. злотых). Больше всего досталось угольной промышленности. В связи с реструктуризацией этот сектор получил 17,5 млрд. злотых. Государство помогает прежде всего крупным нерентабельным предприятиям — в 2003 г. крупные фирмы использовали 80% резервов, предназначенных для всех предприятий (...) 20 фирм, которым досталось больше всего государственных субсидий, получили тогда почти 20 млрд. злотых». («Жечпосполита», 21 апр.)

- «Польша ходатайствует о выделении дополнительных средств на строительство и модернизацию рыболовецких судов.

Брюссель не соглашается на это. По его мнению, гораздо важнее рыбоохрана». («Жечпосполита», 22 апр.)

• «Защитники животных хотят добиться введения более гуманного метода убоя кур поставщиками сети „Kentucky Fried Chicken”. Сегодня они будут пикетировать один из варшавских ресторанов (...) Как убивают кур? Живых кур подвешивают вниз головой в специальных металлических зажимах. Конвейер везет их к резервуару, наполненному водой, через которую пропущен ток. В воду должны погрузиться головы и шеи кур. Если куры вырываются либо если они слишком большие или слишком маленькие, они не погружаются в воду как следует, и ток не оглушает их (...) Случается, что на дальнейшую обработку — на перерез горла (для обескровливания) и отрез головы — птица идет не оглушенной (в фильмах организации ПЕТА видны бьющиеся куры без голов). Если курица слишком мала, машина может отрезать у нее только верх головы, и она еще жива, когда попадает в ошип». («Газета wyborcza», 22 апр.)

• «Правительство не послало в Брюссель статистику о загрязнении атмосферы газами, вызывающими парниковый эффект. Вчера Польша, а также Люксембург и Мальта получили из Брюсселя первые письменные предупреждения». («Жечпосполита», 13 апр.)

• «На встрече в Варшаве представители Польши, Украины и Европейской комиссии приняли решение возобновить работы по прокладке польского участка трубопровода Одесса—Броды. Поставки в Польшу каспийской нефти должны начаться уже в сентябре — пока по железной дороге. Во время встречи было решено, что Брюссель заплатит 2 млн. евро консультационной фирме, которая подготовит документы, необходимые, чтобы начать строительство нити трубопровода Одесса—Броды, доходящей до Плоцка». (Анджей Кублик, «Газета wyborcza», 23–24 апр.)

• «„Контроль над нефтью, газом и энергетикой мы должны держать в закрытом на ключ ларце, чтобы он не перешел к России”, — сказал Станислав Цёсек (...) Один из бывших руководителей ПОРП, а в 90-е годы посол в Москве убеждал, что нельзя отдавать России контроль над стратегическими отраслями экономики. Советник президента и эксперт в области восточной политики, Цёсек подверг критике идею выпустить на биржу Гданьский нефтеперерабатывающий комбинат, так как это грозит поглощением фирмы российскими нефтяными гигантами (...) Цёсек согласился с мнением, что экспорт сырья — одна из основ экспансионистской политики России (...) Во времена

общественно-политических преобразований 16 лет назад Цёсек должен был заверять „советских товарищей”, что Польша „не сойдет с пути строительства социализма”». («Жечпосполита», 21 апр.)

• «Министерство государственной казны сообщило о завершении последнего этапа взятия под государственный контроль гданьского „Нафтопорта”. Речь идет о терминале, обеспечивающем поставки нефти польским нефтеперерабатывающим предприятиям независимо от российской системы трубопроводов „Дружба” — главного источника обеспечения нефтью комбинатов в Плоцке и Гданьске. Решение о строительстве „Нафтопорта” было принято в середине 1991 г., когда нефтеперерабатывающим предприятиям грозило прекращение поставок нефти, поступающей по нефтепроводу из России». («Газета wyborча», 18 апр.)

• „Ю-щен-ко! Ю-щен-ко!» — скандировали вчера в честь президента Украины студенты Варшавского университета. Виктор Ющенко посетил университет, чтобы поблагодарить студентов за участие в демократических переменах на Украине (...) Молодежь из Варшавского университета и других варшавских вузов с первого же дня приняла участие в „оранжевой революции”. Она устраивала акции протеста перед украинским посольством после фальсификации выборов, призывала польских политиков к активным действиям. В конце концов почти две тысячи молодых поляков вместо того, чтобы провести Рождество в кругу семьи, поехали на Украину наблюдать за выборами. Студенты и приглашенные гости из польских и украинских неправительственных организаций устроили Ющенко овацию стоя. Позднее они несколько раз прерывали аплодисментами его речь. Сопровождавший его президент Александр Квасневский тоже был награжден аплодисментами за удачное посредничество между демократической оппозицией и тогдашними президентом и премьер-министром Украины Леонидом Кучмой и Виктором Януковичем». («Газета wyborча», 13 апр.)

• «Из Варшавы президент Украины поехал в Подкарпатье. „После того как страницы польско-украинской истории были перевернуты, нужно закрыть прошлое и идти дальше, — сказал Виктор Ющенко нескольким сотням представителей украинского меньшинства. — Мне не хотелось бы, чтобы прошлое ухудшало наши отношения. Я знаю, что во многих сердцах до сих пор живет боль, но призываю — особенно мое поколение — прийти к согласию, подать друг другу руки и

строить новую жизнь”. Ранее Ющенко вместе с тремя тысячами украинцев с обеих сторон границы участвовал в освящении часовни в Млынах, над могилой о. Михаила Вербицкого, который в XIX веке написал музыку к украинскому гимну „Ще не вмерла Украина”. Отец Михаил жил в Польше...» (*«Газета wyborча»*, 13 апр.)

• «Официально Год Украины в Польше начался в понедельник, но его программу мы узнаем только через месяц. Пока мы должны довольствоваться прекрасно изданным по-польски журналом „Украина”, подготовленным львовской интеллигенцией (...) Это не реклама, сделанная на государственные деньги. „Украина” — это стихийный проект группы львовских интеллигентов, решивших популяризировать свою страну в Польше (...) Журнал, изданный тиражом 5 тыс. экземпляров, можно будет приобрести в киосках и в организациях, занимающихся сотрудничеством с Украиной». (*«Газета wyborча»*, 13 апр.)

• Глеб Павловский: «Конечно, мы обиделись на Квасневского (...) Ваш президент не только пытался действовать [на Украине], не консультируясь с Россией, но еще и сформулировал тезис, который я назвал „доктриной Квасневского”: лучше Россия без Украины, чем Россия с Украиной (...) Тех, кто ведет подобную политику, мы будем рассматривать как противников (...) Квасневский (...) не только оскорбил нас, но и просто-таки вынудил сделать выводы относительно его личности (...) У нас есть друзья, которых мы уважаем, и люди, которых мы более чем уважаем. К этой второй группе принадлежит генерал Ярузельский». (*«Жечпосполита»*, 30 апр.)

• Ежи Помяновский: «Из двух соседей Украины только Польша не хочет господствовать над ней. Да, поляки заняли такую позицию довольно поздно — только после II Мировой войны (...) Политиков из других государств заставит задуматься нагоняй, данный Польше, члену ЕС, в интервью [с Глебом Павловским]: „Ваш президент пытался действовать, не консультируясь с Россией”. В конечном итоге единственная цель, которую Глеб Павловский, сам того не желая, достиг своими высказываниями, — это услуга, которую он своими угрозами и внушениями оказал польскому президенту. Ибо все эти претензии сводятся к обвинению в том, что поляк — не вассал. Что он действительно сослужил добрую службу Украине (...) Во вмешательстве Квасневского в украинский кризис [Павловский] видит первую причину разлада между Польшей и Россией. Это выдумка — мороз крепчает уже давно. Однако важнее (...) то, что умнейший, как говорят, советник лидера

огромного государства дает ему рискованные советы, а ввиду отсутствия новой концепции будущего своей родины проталкивает допотопные идеи (...) Я сожалею об этом, так как мне жаль Россию. Я провел там самые горячие свои годы и познакомился с людьми, которые смели высказывать и писать правду о тирании, не надеясь, что они увидят ее конец».
(«Жечпосполита», 7–8 мая)

• «Почти 150 экспертов, нынешних и бывших дипломатов, а также журналистов из России и стран ЕС встретились в Кринице на I форуме „ЕС—Россия”. Два дня (с 14 по 16 апреля) они размышляли, что сделать, чтобы все ухудшающиеся европейско-российские отношения не зашли в тупик. По мнению России, в ухудшении отношений виноват Евросоюз (...) „Во время кризиса на Украине ЕС впервые вмешался в события внутри пространства СНГ”, — сказал Дмитрий Суслов из Совета по внешней и оборонной политике. По мнению Евросоюза, виновата Россия. Путин сошел с демократического пути, а вдобавок ввел ручное управление экономикой (...) „Нас интересует то, что делается внутри России, а не только межгосударственные отношения, — сказал Норберт Баас из германского МИДа. — (...) Пусть никто не сомневается в солидарности Берлина с новыми членами [ЕС]. Сегодня мы связаны друг с другом более, чем когда-либо прежде». (Мацей Кузьмич и Роберт Солтык, «Газета wyborcza», 19 апр.)

• «Различия в подходе к основным ценностям демократического общества могут стать препятствием в развитии нормальных отношений между Евросоюзом и Россией. Это мнение, многократно повторявшееся на экономическом форуме „ЕС—Россия” в Кринице, прекрасно отражает характер отношений между Брюсселем и Москвой. На различия в подходе к основным ценностям указал, в частности, профессор Юрий Афанасьев: „Кремль выбрал неправильную и опасную для России стратегию. Вместо того чтобы укреплять демократию, он выбрал замаскированный авторитаризм”».
(«Жечпосполита», 18 апр.)

• «„Не может быть европейской политики по отношению к России без Польши”, — предостерег премьер-министр Марек Белька на форуме „ЕС—Россия” в Кринице. Польский премьер сказал это советнику президента Путина Асламбеку Аслаханову». («Газета wyborcza», 15 апр.)

• «Как сказал мне один из советников президента Путина, „темы польско-российского сотрудничества просто нет. Вопросы экономики и транзита энергии мы решаем в Брюсселе. Об Украине мы с вами говорить не будем, так как считаем вашу

политику враждебной. Для диалога остается история — но тут диалог будет скорее неприятным. Однако есть смысл говорить о культурном сотрудничестве. В этой области можно кое-что сделать”». (Ежи Марек Новаковский, «Впрост», 24 апр.)

• Асламбек Аслаханов: «Борис Ельцин допустил серьезную ошибку, когда в 1991 г. от имени России принял ответственность за Катынь». («Впрост», 8 мая)

• Министр иностранных дел Адам Даниэль Ротфельд: «Для нас 1945 год — это освобождение от геноцида, но в то же время горькое чувство, что мы сражались не за такую Польшу (...) Жаль, что российские власти не говорят об этом так, как Александр Яковлев или Гавриил Попов (...) Когда я читаю, что Глеб Павловский не понимает, почему поляки требуют раскрыть всю правду о Катыни, если другие народы СССР тоже пережили подобное, а Сталин просто ликвидировал в Катыни своих потенциальных противников, я вижу, насколько распространен этот образ мышления: противников, пусть даже потенциальных, можно ликвидировать! Нам казалось, что после Горбачева и Ельцина такое мышление уже не вернется. Но оно возвращается, и это затруднит наше взаимопонимание с Россией». («Газета wyborcza», 4 мая)

• Стефан Братковский: «Путин пытается уязвить поляков различными способами (...) Прекрасным и мудрым ответом Польши (...) стало вручение высших польских наград 31 замечательному россиянину и украинцу (десятерым Москва отказала в праве принять польские ордена), внесшим вклад в выяснение катынского дела». («Жечпосполита», 30 апр.)

• «Замминистра иностранных дел, а некогда посол в Польше Сергей Разов сказал: „Попытки доказать, что СССР и гитлеровская Германия несут одинаковую ответственность за начало войны, абсурдны”». («Жечпосполита», 16–17 апр.)

• Адам Даниэль Ротфельд: «Россия объясняет пакт Риббентропа — Молотова ранее заключенным Мюнхенским соглашением. Действительно, Мюнхенское соглашение имело целью задобрить диктатора и было заключено в ущерб третьей стороне. Однако все подписавшие его стороны: Великобритания и деголлевская Франция во время войны, а Италия и Германия после войны — признали его недействительным и позорным. Мы ожидаем от России такого же шага в отношении пакта Риббентропа — Молотова. Нынешняя аргументация России ложна и опасна. Ведь и Горбачев, и Ельцин признали этот пакт несправедливым и постыдным». («Газета wyborcza», 6 мая)

• «[Бывший министр иностранных дел] Владислав Бартошевский высказался относительно планов президента Александра Квасневского, который 9 мая намерен появиться в Москве. Он убеждал, что большинство поляков выступает против этого и президент должен считаться с их мнением — так же, как Владимир Путин, считаясь с мнением большинства россиян, не поехал на похороны Иоанна Павла II. „Не было бы ничего плохого, если бы в Москве нас представлял премьер-министр — как Российскую Федерацию в Ватикане”, — сказал Бартошевский. Подобное мнение высказал [лидер «Гражданской платформы»] Дональд Туск: „Для тех, кто попал в Сибирь, 1945 год не был радостным”. (...) Сторонником поездки президента в Москву оказался (...) бывший глава МИДа Анджей Олеховский. Он убеждал, что для большинства людей 9 мая 1945 года все-таки не было днем печали». («Жечпосполита», 25 апр.)

• Премьер-министр Марек Белька: «Они только и ждут повода, чтобы изобразить поляков русофобами, стремящимися любой ценой ухудшить отношения Европы с Россией. Понижение ранга польской делегации в Москве стало бы прекрасным поводом для распространения такого мнения. Если польско-российские отношения ухудшились, то это случилось не внезапно. Не забудем о том, что произошло на Украине и какую роль сыграли там поляки. Это и есть объяснение». («Жечпосполита», 4 мая)

• «Празднование 9 мая. Одинокие почести президента. В струях дождя президент Александр Квасневский почтил вчера память тех, о ком официальная Москва, организовавшая торжества в честь 60 летия окончания войны, предпочла не вспоминать (...) Единственными российскими зрителями были милиционеры». («Жечпосполита», 9 мая)

• «Президент возложил цветы к памятнику жертвам сталинизма на Донском кладбище, а также на символические могилы последнего командующего Армией Крайовой ген. Леопольда Окулицкого и заместителя делегата польского правительства [в изгнании] Станислава Ясинкевича (...) „Они были убиты в советской тюрьме и похоронены здесь в братских могилах”, — сказал Квасневский (...) Президент возложил цветы также к памятнику красноармейцам и к Соловецкому камню на Лубянке, увековечившему жертвы сталинского террора. Кроме того, он посетил музей Сахарова (...) Президента в молчании сопровождал Войцех Ярузельский». («Газета wyborча», 9 мая)

• Из выступления президента Белоруссии Александра Лукашенко: «Хочу предупредить (...) посольство Польши. Не думайте, что поляки в Беларуси — это не граждане Беларуси. Это наши граждане. Мы их в обиду никому не дадим, и мозги запудривать вы им тоже не будете (...) Католики — это наши католики. Мы их не ущемляем. Мы давно знали, что вы будете подавлять эту часть населения, чтобы дестабилизировать ситуацию. На Полесье тоже пытаются работать. Они не понимают, что белорусы живут совершенно в ином мире, что эти полешуки — это самая надежная опора наша, что поляки давно уже стали нашими поляками. Они не видят другой земли для жизни, нежели в Беларуси. Им не надо ни Польша, ни Литва, ни другие государства (...) Ведь они меня никогда не предадут (...) Поэтому успокойтесь (...) Ну есть же с кого брать пример. Послы Туркменистана, Армении, России, другие». («Газета выборча», 20 апр.)

• «„Я с Лукашенко полемизировать не намерен“, — прокомментировал [выступление белорусского президента] премьер-министр Марек Белька (...) Министр иностранных дел Адам Ротфельд сказал, что слова Лукашенко типичны для всех недемократических систем, которые, когда у них возникают внутренние проблемы, ищут врагов вовне, желая отвлечь внимание общества». («Газета выборча», 21 апр.)

• «В чрезвычайном порядке Сейм Литвы принял специальную резолюцию по Катыни. В ней выражается сочувствие польскому народу и солидарность с ним в 65 ю годовщину трагедии». («Жечпосполита», 15 апр.)

• «Лех Валенса принял участие в международной конференции, организованной в столице Армении в 90 ю годовщину резни армян. „Армяне справедливо требуют, чтобы Турция могла вступить в Евросоюз только после признания геноцида. Эта резня была первым геноцидом XX века“, — сказал Валенса». («Жечпосполита», 22 апр.)

• «19 апреля Сейм неожиданно принял специальную резолюцию в связи с 90 й годовщиной геноцида армян. Единогласно принятый документ гласит: „Сейм Республики Польша воздает дань памяти жертвам геноцида, совершенного против армянского населения Турции во время I Мировой войны. Память о жертвах этого преступления и его осуждение есть нравственный долг всего человечества, всех государств и всех людей доброй воли“. Таким образом, Польша стала 14 м государством, признавшим в парламентской резолюции события 1915–1922 гг. геноцидом». («Тыгодник повсехный», 1 мая)

- «Турецкий парламент отменил запланированную на май встречу с польскими депутатами. Таков был протест против резолюции Сейма по геноциду армян». (*«Газета wyborcza»*, 28 апр.)

- «„Замечательно, что люди, которые вовсе не евреи, в честь повстанцев надели кипы”, — восхищался аргентинец Матиас Алтар, который вместе с двумястами другими верующими пришел вчера на екуменическую молитвенную встречу „По пути памятников варшавского гетто”. Накануне 62 й годовщины восстания в гетто евреи, католики и протестанты молились по-польски и на иврите (...) От памятника Героям гетто все дошли до Умшлагплаца [места погрузки евреев в эшелоны, идущие в Освенцим]. Там участники встречи прочли молитву Иоанна Павла II о еврейском народе, которую он произнес на этом месте в 1999 году. Профессор Владислав Бартошевский назвал Папу величайшим в мировой истории зодчим иудейско-христианского взаимопонимания. „Во время его понтификата католическая Церковь признала антисемитизм грехом, в котором надлежит исповедоваться”, — подчеркнул Бартошевский». (*«Газета wyborcza»*, 18 апр.)

- «62-я годовщина восстания в гетто (...) В 11.30 делегации правительства, варшавских властей и еврейских общин возложили венки к могиле Неизвестного солдата. Но, как всегда, больше всего людей собралось в полдень на площади, где пересекаются улицы Анелевича и Заменгофа. Именно в том районе 19 апреля 1943 года вспыхнуло восстание в варшавском гетто, в котором 800 бойцов сражались против немцев (...) Яркая одетая молодежь из Израиля развернула белый флаг с голубой звездой Давида. Повстанцев представлял их последний предводитель Марек Эдельман». (*«Газета wyborcza»*, 20 апр.)

- «В год 60-летия освобождения немецкого концлагеря Аушвиц „Марш живых” привлек рекордное число участников. Путь от Аушвица до Биркенау длиной в 3,5 км проделали 18 тыс. человек. Как и ежегодно, в марше участвовала молодежь из Израиля, США, Бельгии, Венгрии и многих других стран. Вместе с ней шли 2,5 тыс. поляков». На марш прибыли премьер-министры Израиля и Польши Ариэль Шарон и Марек Белька, а также бывшие узники концлагеря Аушвиц. (*«Жечпосполита»*, 6 мая)

- Что дает новый закон о национальных и этнических меньшинствах? «Лица, принадлежащие к меньшинству, имеют право: писать свои имена и фамилии согласно правилам их языка, изучать язык меньшинства и свободно пользоваться им в общественной и частной жизни. В гминах,

где меньшинство составляет более 20% от общего числа жителей, его язык может быть вспомогательным в учреждениях. Кроме того, он может использоваться в названиях местностей, объектов и улиц (за исключением названий, данных в 1933–1945 гг. Третьим Рейхом и СССР). Государственные органы власти обязаны поддерживать (в частности дотациями) культурную, издательскую и образовательную деятельность меньшинств». Самое многочисленное меньшинство в Польше составляют немцы — 153 тысячи. Следующие места занимают: белорусы (50 тыс.), украинцы (31 тыс.) и цыгане (12,7 тыс.). К более малочисленным группам относятся: армяне, евреи, караимы, кашубы, лемки, литовцы, русские, силезцы, словаки, татары и чехи. («Политика», 30 апр.)

• В ответ на вопрос, заданный институтом исследований общественного мнения и рынка «Пентор»: «Кто, по вашему мнению, должен играть бóльшую роль в польской Церкви?» — чаще всего можно было услышать имя архиепископа Станислава Дзивиша (69,8%). Следующие три места заняли: кардинал Францишек Махарский — 66,7%, епископ Тадеуш Перонек — 51,1% и кардинал Юзеф Глемп — 49,7%. Далекие 11 е и 12 е места заняли директор радио «Мария» о. Тадеуш Рыдзык и о. Генрик Янковский из Гданьска — оба получили по 21,3%. («Впрост», 1 мая)

• Согласно подготовленному ЦИОМом рейтингу доверия к политикам, проф. Збигневу Религе доверяют 67% поляков, Александру Квасневскому — 54, Леху Качинскому — 53, Ярославу Качинскому и Яну Роките — по 50, Дональду Туску — 45, Леху Валенсе — 44%. («Газета wyborча», 30 апр. — 1 мая)

• «[Бывший] президент Лех Валенса стал хитом... косметических салонов. Клиентки чаще и охотнее всего изображают его портрет на своих ногтях (...) На выбор предлагаются два варианта: черно-белый портрет времен „Солидарности” и цветной, относящийся к тому периоду, когда Валенса был президентом. Говорят, что нарисовать на ногтях Валенсу чаще всего просят молодые девушки и дамы около сорока». («Пшегленд», 17 апр.)

• Согласно опросу ЦИОМа, на предстоящих президентских выборах за Збигнева Религу готовы проголосовать 22% поляков, за Леха Качинского — 21, за Влодзимежа Цимошевича — 15, за Анджея Леппера — 13, за Марека Боровского и Дональда Туска — по 9%. («Газета wyborча», 26 апр.)

- Согласно опросу ЦИОМа, в преддверии парламентских выборов «Право и справедливость» поддерживают 24% поляков, «Гражданскую платформу» — 20, «Самооборону» — 14, «Лигу польских семей» — 10, «Польскую социал-демократию» — 5, аграрную партию ПСЛ, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) и «Унию свободы» — по 4, «Унию труда» — 3%. Избирательный барьер составляет 5%. («Газета wyborcza», 16-17 apr.)

- «Закон не запрещает баллотироваться подозреваемым и осужденным, а попытки депутатов ввести такой запрет пока не увенчались успехом, несмотря на всеобщее согласие (...) Эксперты считают, что такие попытки противоречат конституции, которую этот Сейм не в состоянии изменить». («Газета wyborcza», 16-17 apr.)

- «Последний отчет Высшей контрольной палаты (ВКП) развеивает все иллюзии: в правительственную администрацию чаще всего попадают чиновники без гарантий добросовестности и хорошей подготовки (...) Из отчета следует, что на сегодняшний день более 65% высших чиновников, т.е. руководителей ведомств и управлений, — это люди, получившие место вне конкурса (...) По мнению ВКП, такой метод приема чиновников на работу вытесняет идею гражданской службы (...) У главы гражданской службы нет возможности влиять на политиков, чтобы улучшить положение в правительственной администрации. Поэтому контролеры подчеркивают необходимость смены законодательства». («Жечпосполита», 14 apr.)

- «В начале апреля Главное управление полиции собрало данные о коррупции по всей стране. Оказалось, что с января по март текущего года таких дел было 1664, а в тот же период прошлого года — 1000. Данные касаются только установленных преступлений, по которым полиция собрала настолько обширный доказательный материал, что прокуратура предъявила обвинение лицам, занимающим государственные должности». («Газета wyborcza», 15 apr.)

- «В марте 46% опрошенных ЦИОМом признали Польшу страной, в которой живет безопасно. Это на 13% больше, чем год назад. Столь же скачкообразно — на 16% — уменьшилось число людей, которые считают, что жить в Польше небезопасно (с 65 до 49%)». («Газета wyborcza», 14 apr.)

- Согласно последнему отчету главного ветеринара о ситуации в убежищах для животных, 35% убежищ переполнены. В убежищах находятся 57 931 собака и 3349 кошек. 12% собак и

24% кошек пришлось усыпить. В некоторых убежищах усыпляют больше половины питомцев. От болезней, укусов и т.п. погибло 7% собак и 17% кошек. Новых хозяев нашли 55% собак и 31% кошек. («Газета выборча», 30 apr. — 1 мая)

• «С 2004 г. вдоль железной дороги между Минском-Мазовецким и Седльце стоят аппараты UOZ 1 (...) Почти за минуту до появления поезда аппарат издает предостерегающий крик сойки. Потом слышится бешеный лай собак на облаве, лошадиное ржание. В конце идут предсмертные крики — например, вопль зайца или визг свиньи, которую режут. „Действие аппарата имеет одну цель: предупредить животных об опасности на понятном им языке так, чтобы они успели убежать (...)”, — объясняет проф. Симона Коссак, биолог, руководитель беловежской Лаборатории естественных лесов при НИИ лесоводства, которая разработала этот уникальный метод предупреждения животных (...) „Исследования показали, что аппараты оправдывают себя”, — говорит Марек Столярский, директор варшавского опытно-производственного предприятия NEEL, на котором они изготавливаются. Аппараты отпугивают оленей, косуль, лосей, кабанов, зайцев, а также мелких и крупных хищников». (Иоанна Боссаковская, «Газета выборча», 23-24 apr.)

• «По случаю Дня Земли в Варшаве должен пройти радостный праздник под патронажем министерства охраны окружающей среды (...) Но есть ли что праздновать в стране, где без особого смысла вырубаются или уже вырублены сотни тысяч зачастую вековых придорожных деревьев? В стране, где под предлогом защиты от наводнений в массовом порядке выпрямляют и бетонируют сотни километров малых и средних рек, а также ручьев? (...) Может ли быть поводом для гордости то, что министерство охраны окружающей среды создало в Беловежской пуще, последнем остатке древних первобытных лесов Европы, заповедники, в которые не может войти простой поляк, зато может въехать тяжелая техника, вырубающая лес? Или то, что в конечном итоге программами ЕС по охране окружающей среды в сельскохозяйственных районах, призванными сохранить все природное богатство наших полей и лугов, будет охвачено 2,5% территории страны? Или, может, наш успех заключается в том, что мы занимаем одно из последних мест среди новых и старых членов Евросоюза по размерам территорий, обладающих природной ценностью, охраняемых в рамках европейской сети „Природа-2000”?» (Адам Вайрак, «Газета выборча», 23-24 apr.)

ИЗ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАТЫНЬСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Продолжение документальных записок

Я начал поиски Бороденкова, который, по словам Ивана Ноздрева, принимал участие в расстрелах польских офицеров и советских граждан. Бороденков служил в комендантском взводе под началом Стельмаха, в 1940 г. коменданта Смоленского УНКВД, а Стельмах и его подчиненные приводили в исполнение приговоры троек и двоек НКВД. В моем распоряжении была только фамилия и примерный год рождения. Вскоре Ноздрев припомнил, что Бороденков жил в районе Красноармейской улицы. Но Красноармейских улиц (как оказалось) в Смоленске было целых три. В конце 1989 г. я нашел его точный адрес — это была 3-я Красноармейская, второй этаж старого деревянного дома (без удобств). Такие дома строились сразу после войны в городе, разрушенном до основания немцами. Теперь же эти старые развалюхи выглядели жалко и по мнению городского начальства портили облик социалистического Смоленска. Однако, прежде чем рассказать о встрече с ним, я хотел бы вернуться в сентябрь-октябрь 1989 года.

Помню, как я ходил за туристами из Польши и пытался заговорить с кем-нибудь из поляков, чтобы рассказать правду о Катыни, но все мои попытки были неудачными, так как все они спешили (это были экономические туристы) сделать покупки (телевизоры, холодильники...) и успеть на отходящий варшавский поезд. Мешал и языковой барьер: кроме «проше пани» я ничего не знал. После очередных неудачных попыток рассказать правду я долго переживал, был в отчаянии, так как считал, что не имею морального права носить эту тайну в себе. Мое отчаяние усиливалось еще и тем, что ни «Московские новости», ни «Литературная газета» на мои письма не отвечали. Я решил, что эти разоблачительные письма перехватило КГБ и теперь мне покажут перестройку вместе с гласностью!

Плюс ко всему в УКГБ Смоленской области на меня начали настоящую охоту: выговоры и приказы о наказании

посыпались, как из рога изобилия. От некоторых прихлебателей начальства звучали даже угрозы физической расправы. Впрочем, это была обычная тактика в КГБ — создавать условия для увольнения неугодного сотрудника по статье о служебном несоответствии. Особенно, помню, затаили на меня зло так называемые потомственные чекисты. Их «славные» предки (отцы и деды), наследники Дзержинского и Берии, оказались под угрозой позорного разоблачения. Сейчас я думаю, что это и есть одна из причин того, что десятки томов российского следствия по Катыни до сих пор не переданы польской стороне.

В то же время в лице сотрудников Смоленского УКГБ, которые были в немилости у начальника (генерал-майора А.И.Шиверских), я нашел неожиданных союзников или просто сочувствующих. Например, электрик В.Владимиров неоднократно помогал мне в поисках свидетелей, он был одним из активных участников пешего марша смолян в Катынь, посвященного памяти репрессированных. Этот марш очень испугал начальство госбезопасности, а все его участники были засняты на видео скрытой камерой. Организован он был обществом «Мемориал», из которого я знал Алексея Памятных: он еще с 1987 г. на свой страх и риск искал свидетелей катынской трагедии. Другой сотрудник помог мне встретиться с репортером телевизионной программы «Взгляд» А.Политковским, которому я дал интервью о том, что имею свидетельства о расстреле польских офицеров в 1940 г. сотрудниками НКВД. Политковский заявил, что в субботу они пустят эту запись в эфир, что это настоящая «бомба». Но ни в субботу, ни через месяц, ни через два программа в эфир не вышла, а «Взгляд» был закрыт. Позже Политковский рассказывал, что сотрудники КГБ просто отобрали у них эту видеокассету. Перед новым 1990 годом Влад Листьев и Ю.Любимов публично извинились, что по не зависящим от них причинам передача о Катыни не вышла в эфир.

Из-за почти полного отсутствия в СССР правдивой информации на эту тему я в тот период даже не представлял себе, что польские патриоты давным-давно начали борьбу за правду об этом жесточайшем сталинском преступлении. О чем тут говорить, если о нападении Советского Союза на Польшу 17 сентября 1939 г. и о военных действиях я узнал только в 1984 г. (хотя всегда интересовался историей) из случайных разговоров. По-моему, министр иностранных дел России Сергей Лавров до сих пор этого не знает, не говоря уже о депутате Государственной Думы Маргелове и Амане Тулееве.

Как и подавляющее большинство советских граждан, первые сведения о Катыни я услышал по радио «Голос Америки» и «Свободная Европа». Живя в СССР, мы даже не представляли себе, что на Западе еще в 1943 году появились первые публикации об этом преступлении, что в 1949 г. в Англии был опубликован «Катынский список» А.Мошинского, а также воспоминания уцелевших польских офицеров Б.Млынарского, С.Свяневича, Ю.Чапского и свящ. З.Пешковского, а в Польше — книги Е.Лоека и К.Заводного. Позже, в 90 х годах, я узнал что отважные польские патриоты, не считаясь с риском, многие годы искали свидетелей этого преступления — например Тадеуш Пеньковский, Михал Журавский, Кристина Курчаб-Редлих и др. Посещавшие Катынский лес польские граждане часто сами исправляли на памятнике дату гибели польских офицеров с 1941 на 1940 год, что сильно раздражало начальство Смоленского УКГБ.

По телевидению тогда (сентябрь–октябрь 1989 г.) беспрерывно транслировались заседания съезда народных депутатов, очень смелые выступления на съезде академика Андрея Сахарова прерывались криками и проклятиями ярых коммунистов. Я подумал, что А.Д.Сахаров — тот человек, который может разрушить глухую стену неправды, окружающую тайну гибели польских офицеров. Я написал письмо Сахарову и еще двум депутатам. Кажется, прошло не более месяца (точно не помню) — вдруг известие: внезапно скончался академик А.Сахаров. Позже от журналиста Г.Н.Жаворонкова я узнал, что академик получил мое письмо и прочитал, но это было последнее, что он прочитал в своей жизни...

По-моему, во второй половине октября 1989 г. московский кинорежиссер Уваров снял по моим материалам документальный фильм с участием найденного мною свидетеля Титкова, который в ходе съемок признал, что польские офицеры были расстреляны в 1940 г. органами НКВД. Однако фильм Уварова на широкий экран не вышел (хотя он меня уверял, что где-то в посольствах, за границей, его показывали).

Только смоленское радио сообщало о моих открытиях — радиожурналист Александр Якушев по моим данным брал интервью у найденных свидетелей, и наша совместная работа продолжалась более года. Здесь надо отметить, что директор этого радио Новиков, будучи в оппозиции к обкому партии Смоленска, разрешил эти передачи. В результате Смоленск начинал бурлить. Усилились требования демократов о закрытии дач КГБ в районе Катыни. Я получал телефонные

звонки с угрозами, а изредка с благодарностями за поиски правды. В Смоленске частыми стали митинги в поддержку перестройки и гласности.

В конце октября 1989 г. у меня дома раздался ночной звонок из Москвы. Звонивший представился: «Геннадий Жаворонков, корреспондент газеты „Московские новости“, — и дальше: — Получил ваше письмо, выезжаю завтра к вам в Смоленск, ничего не бойтесь, главный редактор газеты Егор Яковлев не даст с вами расправиться и в случае увольнения поможет». Забегая вперед скажу, что Е.Яковлев своего слова не сдержал и в нужный момент не помог. Хотя с момента отправки моего письма в редакцию «МН» прошло более двух месяцев, этот звонок меня взволновал и обнадежил. Домашние мои, жена Галина и дочь Лариса, тоже были взволнованы предстоящим визитом корреспондента самой популярной тогда газеты, друга академика Сахарова, как представился Г.Жаворонков. Жена, зная повадки КГБ, ожидала самого худшего и принимала сердечные лекарства, а дочь-старшеклассницу распирало любопытство. Петляя на маленькой «Оке» по улицам разбросанного на холмах Смоленска Жаворонков наконец нашел мой дом и подъезд, у которого стояла машина «Скорой помощи»; он спросил водителя в какую квартиру приехала «скорая», — ему назвали номер моей квартиры.

«Опоздали», — сказал он своему спутнику-фотокорреспонденту.

«Скорая помощь» действительно приехала по моему адресу, так как у дочери случился острый приступ аппендицита, всё в один вечер. Напряженность обстановки трудно описать. Наконец, когда эта суматоха кончилась, я подробно рассказал Г.Жаворонкову все, что знал, в том числе и об уничтожении в 1940 г. польских офицеров. Жаворонков, несмотря на риск, решил во что бы то ни стало пробраться на охраняемую территорию дач НКВД-КГБ в Катынском лесу. Обстановку в дачном поселке и Катynский лес хорошо знал мой товарищ В.В.Владимиров (у него дом был в Красном Бору около Катыни). Несмотря на поздний вечер я позвонил Владимирову, и он присоединился к нашей компании. На следующий день ему удалось провести Жаворонкова на охраняемую вооруженной охраной и немецкими овчарками территорию. Воодушевленный неожиданными открытиями, Жаворонков с переданными ему мною документами преступления уехал, пообещав: «Читай следующий номер „Московских новостей“!»

Но ни в следующем, ни в последующих номерах ничего не было. Прошел ноябрь 1989 г., уже была разрушена Берлинская стена,

но стена лжи вокруг Катыни еще держалась. Прошел декабрь — статьи о Катыни нет.

Мои попытки дозвониться до Егора Яковлева были безрезультатны. Я чувствовал, как неудобно Жаворонкову, совестливому и честному журналисту, за все происходящее. Наконец он мне рассказал, что лично Горбачев просил Егора Яковлева подождать с публикацией — иначе номер газеты не выйдет в свет. Позже, при личной встрече, Жаворонков немного приоткрыл мне закулисную игру Горбачева и Егора Яковлева. Из разговора я понял, что Яковлев согласился попридержать разоблачение в обмен на скорое официальное признание катынского преступления. Пришли к такому полюбовному решению, чтобы приурочить признание к приезду Ярузельского в Москву (Кремлю очень важно было передать документы Ярузельскому, как бы поддержать товарища в трудные времена...)

Все эти игры были для меня чужды и аморальны. Журналистский долг — не торговаться, а любыми путями публиковать разоблачительные материалы. Теперь только я понял, что я уже лишний в этой игре. Позднее за покладистость Е.Яковлев получил от Горбачева должность шефа телевидения. Горбачев не хотел неконтролируемых разоблачений, так как питал наивную надежду на сохранение «социализма с человеческим лицом». А так вот сразу сорвать с этого лица маску — ни в коем случае!

Сегодня, когда уже изданы мемуары ближайшего окружения Горбачева, все знают, что последний (и первый) президент СССР, узнав содержание пакета №1, был в ужасе от прочитанного и не стал даже ставить подпись об ознакомлении с содержанием, как это положено. Позже это дало ему возможность обвинить своего помощника В.И.Болдина, что тот-де знакомился, а он, Горбачев, — нет. Все это Болдин в своих воспоминаниях опроверг, а кроме того рассказал, что Горбачев до последнего момента хотел уничтожить документы пакета №1 (именно там было решение политбюро от 5.Ш.1940 г. о расстреле польских офицеров).

Читая все эти мемуары, становится ясно, почему только Б.Н.Ельцин отважился отдать Польше это решение политбюро ЦК ВКП(б).

Итак, Горбачев не захотел вбивать последний гвоздь в гроб коммунистической партии, а предоставил это Ельцину, первому президенту России. Сейчас ясно, что Горбачев хотел ограничиться только куцей информацией о том, что-де это

дело рук Берии и его подручных, как это и доказывают изыскания историков. И всё! Никакого решения политбюро от 5 марта 1940 г. он не хотел открывать. Я предполагаю, что Горбачев решил пустить историков в архивы прежде всего с целью выяснить, есть ли другие следы катынского преступления. Если бы их не нашли (спасибо Ю.Н.Зоре, В.С.Парсадановой, И.С.Яжбровской и др.), то я уверен: Горбачев бы приказал тот документ от 5 марта 1940 г. уничтожить, равно как и подлинник пакта Риббентропа — Молотова с секретными протоколами. Это доказывают не только мемуары В.И.Болдина — как мне кажется, честного и совестливого человека, — но и других, например Р.Г.Пихои.

Такие, как А.Памятных и подобные нам «партизаны», портили Горбачеву контролируемую гласность. Егор Яковлев был недостижим (позднее, пытаюсь поговорить с Е.Яковлевым, я услышал от уважаемого шестидесятника: «Пошел вон!»). Еще бы, какой-то Закиров мешается под ногами при такой крупной игре. От Жаворонкова я знал, что Яковлев уже получил от председателя КГБ СССР Крючкова очерняющее меня письмо.

Впрочем, я забежал далеко вперед, а пока, совершенно не зная о поисках историков в Москве, я продолжал на периферии, в Смоленске, свое расследование.

В конце декабря 1989 г. я решил наконец навестить Кирилла Евстафьевича Бороденкова, 1907 г.р., уроженца деревни Ржавка Краснинского района Смоленской области, пенсионера НКВД-КГБ, служившего в комендантской службе Стельмаха, которая занималась исполнением приговоров троек, двоек и ОСО, в том числе по 1 й категории (т.е. расстрелы). В 1940 г. К.Е.Бороденков служил вахтером Смоленской тюрьмы НКВД.

Деревянный дом, в котором он жил, находился всего лишь в 50 метрах от дома генерала УКГБ А.И.Шиверских, который не уставал заявлять, что поиски свидетелей результатов не дали... Поднимаясь по скрипучим ступенькам на второй этаж, распугивая топотом притаившихся под лестницей диких кошек, я настроил себя на все возможные варианты — вплоть до «*persona non grata*».

Дверь мне открыл старик выше среднего роста, изможденный болезнями; глаза у него были водянисто-серые и холодные, как у мороженой рыбы, — и заведомая враждебность и настороженность во взгляде. Опять меня выручило служебное удостоверение и еще то, что он принял меня за сотрудника пенсионного отдела, пришедшего по поводу его заявления в УКГБ Смоленска об улучшении жилищных условий. Бороденков

разрешил мне войти, но в тот же миг я почувствовал такой букет запахов, что даже общественный туалет проиграл бы в сравнении. Первым моим желанием было тут же выйти, но, поборов неприятные ощущения, я начал его расспрашивать о 1940 годе. Бороденков указал мне на стул, и тут я заметил, что у него в нижнюю часть живота вставлена трубка, по которой мокроты стекали в прикрепленную чуть ниже стеклянную баночку из-под майонеза. Вот почему в комнате стоит несусветная вонь, мелькнула у меня догадка. Это был брошенный родственниками и коллегами-чекистами, тяжело больной ветеран НКВД-КГБ. Я подумал, что наверное Бог некоторым еще при жизни устраивает за тяжелые грехи геенну. Как и следовало ожидать, он начал жаловаться на жилищные условия, на отсутствие помощи от УКГБ, а я стал поддакивать, подтверждая вопиющее равнодушие его коллег-чекистов. Уловив сочувствие с моей стороны, он стал более словоохотливым. Бороденков твердо и уверенно заявил, что польских офицеров в 1940 г. расстреливали его сослуживцы: И.И.Стельмах, И.Грибов, Гвоздовский, Сильченков — имена остальных он забыл. Трупы убитых хоронили в Козьих Горах (т.е. в Катынском лесу). Один раз он сказал: «...когда мы стреляли», — но тут же поправился: «когда они стреляли» в польских офицеров, им выплачивались на специальный секретный счет деньги, поили водкой, и была хорошая закуска (балык, колбаса...). Я тут же спросил: — А вы тоже стреляли? — но не тут-то было: Бороденков прекрасно знал, что такое преступление не имеет срока давности, и ответил: «Нет». Видно было, что он боится говорить о себе, а о соратниках — пожалуйста. Бороденков, помню, добавил, что в 1943 г., когда услышал (в эвакуации в Зеленодольске) по радио о том, что поляков расстреляли немцы, то рассмеялся над лживой советской пропагандой. Бороденков собственноручно записал рассказанное. Полученный документ я передал на Смоленское радио и отослал в газету «Московские новости» Геннадию Жаворонкову.

Через несколько дней, когда я утром шел с дежурства домой, был сильный гололед. Я решил еще порасспрашивать Бороденкова. Дверь его квартиры была полуоткрыта, слышались голоса сотрудников Смоленского УКГБ: В.Я.Тюкавина, наиболее приближенного к начальнику УКГБ и участвовавшего в организованной им травле меня и найденных свидетелей; Тихонова из архива УКГБ — старого чекиста с довоенным стажем, который на одном из партсобраний заявил, что меня тоже надо расстрелять за предательство; Герасимова, начальника отделения УКГБ — этот был готов на все, лишь бы угодить начальству.

Тихонов кричал Бороденкову: «Врешь ты все!» — а Тюкавин вкрадчивым голосом выяснял: «Вас Закиров просил написать объяснение?» Бороденков ответил: «Нет, я сам написал».

Я понял, что идет «обработка» свидетеля с целью извращения его сведений: что якобы он писал под мою диктовку.

Решительно зайдя в комнату, я поздоровался с Бороденковым — у Тюкавина от неожиданности отвисла челюсть, а Герасимов стал кричать, чтобы я «не мешал работать». Тут они все, кроме хозяина квартиры, стали кричать (перекосившись от злости): «Вон отсюда!».

— Если хозяин квартиры мне скажет «уходи», то я пойду, — как можно более спокойным голосом произнес я.

— Оставайся, — неожиданно для меня и присутствующих заявил Бороденков и, подумав, добавил: — А вы уходите отсюда, и чтобы я вас больше не видел!

«Битва» была мною выиграна без потерь, противник несмотря на превосходство удалился, а Бороденков, показывая на удалявшихся, сказал мне доверительно:

— Я думал, они меня арестовать пришли.

Однако уже очень скоро начальство Смоленского УКГБ отыгралось на мне. Мне стали угрожать судом «офицерской чести» и объявили очередной выговор с занесением в личное дело. Честно говоря, я уже был готов к более суровым мерам расправы, но что-то им мешало. Теперь-то я знаю, что склонность Горбачева открывать часть правды была прекрасно известна генерал-майору Шиверских, который в то время часто ездил в Москву... В описываемое мною время, помню, генерал предложил как-то мне с невинным выражением лица:

— Давайте вместе искать свидетелей.

Но, зная на практике их «поиски», я продолжал самостоятельные исследования.

Они нашли способ на Бороденкова: отыскиали его родственников и запугали их, после чего те куда-то его увезли. По моей подсказке, корреспондент Смоленского радио А.Якушев успел взять у него интервью.

Вскоре я от кого-то узнал, что Бороденков умер...

Продолжение следует

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД РАБОТЫ КОМИССИИ БУРДЕНКО

Прежде всего — мои извинения за то, что я выступаю не с докладом о завершённой работе, а с сообщением о работе начатой. Происходит это потому, во-первых, что всё ещё очень труден доступ к тем архивам, которые нужны для выяснения этой темы. И, во-вторых, потому что мне важнее, чтобы человек, женщина, которую я начала искать, была найдена или хотя бы найдено было её имя, чем чтобы это сделала я сама. Поэтому я буду благодарна коллегам за любые советы и соображения.

Все мы много думали и думаем о феномене покорения населения СССР идеологией тоталитаризма — культом Сталина. Я до сих пор помню страшные толпы людей на улицах и в залах, прославляющие отца народов и требующие смерти врагов народа. Конечно, не весь народ был полностью одурманен. Было немало людей, особенно среди интеллигенции, которые и при Сталине занимали позиции абсентеизма, жили как бы во внутренней эмиграции. Но постепенно выявляются и имена тех, кто отваживался активно противостоять, несмотря на страшную нависавшую над ними за это опасность. Наш долг — разыскать такие случаи, назвать имена этих людей, рассказать о них, об их судьбах, воздать им должное.

Этим летом я прочла работу, которая сейчас сдана в производство и в ближайшее время должна выйти в Израиле. Автор этой работы Федор Миронович Лясс — известный медик, профессор, доктор медицинских наук, недавно переехавший в Израиль. Название его работы — «Последний политический процесс Сталина».

По существу речь в этой работе идет о двух процессах — Еврейского Антифашистского комитета (из-за героического противостояния пытаемых подследственных этот процесс так и не удалось сделать открытым и показательным) и «врачей» (он был назначен на 5 и 6 марта 1953 г. и не состоялся из-за того, что Сталин испустил дух).

Работа Лясса — это научный анализ материала и воспоминания автора. Его мать, Евгения Федоровна Лившиц, была врачом-

педиатром и работала в лечебно-санитарном управлении Кремля. Она лечила детей и внуков высших руководителей советского правительства и ЦК. Среди ее пациентов были дети и внуки Сталина, Молотова, Кагановича, Микояна, Орджоникидзе. Арестована она была на несколько месяцев раньше, чем другие известные медики, проходившие по «делу врачей», — 4 июня 1952 года. Ей в этом процессе предназначалась роль «обличителя» — та роль, которую сыграла потом небезызвестная Лидия Тимашук. Конечно, было бы гораздо эффективней, если бы своих коллег обвиняла еврейская женщина. Но это не удалось. Несмотря на все мучения Евгения Федоровна не дала нужных КГБ показаний на своих коллег, а в августе, после двух месяцев истязаний, она, не выдержав непрерывного давления, совершила попытку самоубийства. Она повесилась на спинке кровати в своей тюремной одиночной камере на Лубянке. В последний момент ее успели спасти. Она на время потеряла зрение, у нее была нарушена речь, наступила тяжелейшая депрессия. В таком состоянии даже следователи КГБ не могли продолжать «следственный процесс», и ее поместили для лечения и на экспертизу в печально известный Институт судебной психиатрии им. Сербского, где она пробыла с 18 августа по 19 сентября 1952 года.

Там ее признали психически здоровой и вменяемой. Хочу обратить внимание на то, что в те годы психотропные препараты с целью помутнения сознания инакомыслящих пациентов советской психиатрии еще не применялись. Сознание Евгении Федоровны было ясным. самого термина «инакомыслие» в Советском Союзе тогда еще не существовало, поскольку признавалось «морально-политическое единство советского народа». Но длительное, бессрочное содержание неугодных в психиатрических больницах уже применялось.

Здесь, в Институте Сербского, в августе 1952 г. у Евгении Федоровны и произошла встреча, рассказу о которой я вынуждена была предпослать столь длинную преамбулу.

Как сказано в работе Лясса, Евгения Федоровна окольными путями сообщила семье, что ей стало лучше, но «она боится, что ей поставят диагноз шизофрении и отправят на „вечную койку“... Чем была вызвана эта боязнь матери, она рассказала мне по выходе из тюрьмы. Там, в институте Сербского, на прогулке она познакомилась с женщиной, лежавшей на этом же отделении. История ее такова. Она, врач, судебный медик, была привлечена к работе в правительственной комиссии, возглавляемой главным хирургом Красной Армии

Н.Н.Бурденко, по расследованию уничтожения польских офицеров в Катыни. Комиссия работала в 1944 году, и тогда эта женщина-врач на основании патолого-анатомического анализа эксгумированных трупов расстрелянных высказала свое мнение о том, что расстрелы были произведены не в 1941 году, как было указано в коммюнике и разглашено всему миру, а на два года раньше, в 1939 году. Из этого следовало недвусмысленно, кто был виновником трагедии. Эту женщину сразу же изъяли из правительственной комиссии и запрятали в психиатрическое учреждение на „вечную койку” с диагнозом шизофрении. К сожалению, я не знаю ни ее фамилии, ни имени, ни звания. А надо бы ее найти и воздать должное ее героизму, самоотверженности и профессиональной честности».

Эта встреча состоялась в августе 1952 года. Комиссия Бурденко работала в январе 1944 года. То есть прошло 8 с половиной лет! Пока мы не знаем, где была эта женщина все эти годы. Прочтя работу Ф.М.Лясса, я начала искать. Правда, я заранее понимала, что, скорее всего, документов не найду, так как такого рода заявления советские начальники тогда просто боялись фиксировать. Может быть, удастся найти свидетельство о последствиях этого заявления для его автора. Пока мои поиски заключались в том, что я перечла в архиве материалы комиссии Бурденко (а есть подневные и даже почасовые дневники ее работы), обращая особое внимание на деятельность экспертов, прочтя и рассмотрев все протоколы и альбомы, относящиеся к эксгумации.

Известно, что 13 января 1944 г. в Смоленск приехали пять экспертов — членов комиссии: Прозоровский, Смольяников, Семеновский, Швейкова, Выропаев. Эти пятеро — официальная судебно-медицинская комиссия специальной комиссии Бурденко. 18 января, после доклада главного эксперта Прозоровского комиссия Бурденко постановила увеличить число судебно-медицинских экспертов, чтобы можно было вскрывать до 400 трупов в день. Для этого были привлечены необходимые медицинские работники «из близ расположенных армий». 20 января Прозоровский доложил, что прибыли еще четыре врача (в их числе была одна женщина). Потом еще два. После этого неоднократно упоминается в протоколах и дневнике комиссии, что работают 12 врачей. «Двенадцать» — это пять официальных экспертов, шесть привлеченных военных врачей и еще один эксперт, на личности которого интересно остановиться. Фамилия его Зубков. В протоколах комиссии он выступает в двух качествах: и как эксперт, и как свидетель. Он — профессиональный

судебно-медицинский эксперт, работавший до войны, остававшийся в Смоленске при немцах и побывавший в 1943 г. в Катыни на захоронении после немецкой эксгумации. В начале работы комиссии Бурденко он был привлечен ею как эксперт. В протоколах экспертиз говорится о его работе, о том, какие трупы он эксгумировал и исследовал и т.д. Так он работал почти неделю. (Всего же эксперты работали в Катынском лесу и Смоленске 12 дней). Но 20 января он дал подробные показания в качестве свидетеля. И после его показаний Бурденко заметил: «Я думаю, что мы допустили ошибку. Нужно было его вперед (так! — А.Г.) использовать как свидетеля, а потом допускать к работе». И аргументирует это тем, что Зубков знает о деле больше других свидетелей. Зубков продолжал работать как эксперт и после этого, что отражено в ежедневных рабочих судебно-медицинских протоколах. Но в заключительных актах упоминания о нем нет. А для нашей цели важно выяснить, что было с ним дальше. Это почти арифметическая задача. В протоколе от 20 января еще раз указано, что «работает 12 врачей». Легче всего считать, что это 5 официальных экспертов + 6 привлеченных военных врачей (вспомним, что в воспоминаниях Е.Ф.Лясса о нашей героине сказано, что «она была привлечена к работе в правительственной комиссии».) Итак, 5 официальных экспертов + 6 военных врачей + Зубков = 12. И тогда та, кого мы ищем, — старший лейтенант медицинской службы Пушкарева (ее инициалов, как и инициалов всех военных врачей нет нигде, только звания). Никто из военных врачей не подписывал заключительных актов — о них сказано: «при участии». Сделано ли это, чтобы не выделять отказницу, или так было положено по субординации — не знаю.

Но можно предположить и другой вариант решения нашей задачи. Швейкова — не врач, а судебный химик. Считал ли ее Прозоровский в числе двенадцати врачей, мы не знаем. Если нет, то, значит, был еще один врач (или еще одна женщина-врач?), вычеркнутый из протоколов. И считался ли Зубков, чье участие в заключительных актах не упоминается? И тогда это, может быть, и не Пушкарева, а какая-то другая женщина — «врач, судебный медик».

Выяснение этих загадок я начала. Так, мне пришло в голову посмотреть в архиве все бухгалтерские дела ЧГК. Очевидно, собственно у комиссии Бурденко своей бухгалтерии не было — она работала всего 2-3 недели. Значит, ее бухгалтерские дела были при ЧГК по немецким злодеяниям. Я думала, что смогу найти какие-то документы о содержании членов специальной комиссии, о каких-то выплатах, словом, еще какие-то имена.

Но из всех дел описи 126 фонда 7021 Государственного архива России (опись №126 — бухгалтерия) сохранилось одно, касающееся расчетов с рядовыми сотрудниками самой ЧГК (машинистками, инспекторами, шоферами, работниками архива — не выше зам. зав. отделом). Остальные «не существуют», как мне письменно ответили в архиве.

Я написала запрос о военной судьбе Пушкаревой после января 1944 года. Запрос в Институт Сербского можно попытаться дать только тогда, когда будет точно известна фамилия женщины, лежавшей там. Как профессиональный историк я вполне отдаю себе отчет, что одного свидетельства очевидца и двух косвенных доказательств (1. военные врачи не подписывают актов; 2. в книге Лясса женщина, о которой идет речь, говорит о себе, что она была «привлечена» к работе в комиссии Бурденко, и это же слово — «привлеченные» военные врачи — упоминается в протоколах комиссии, чего не мог знать ни Ф.И.Лясс, ни тем более его мать) совершенно недостаточно. Надо искать дальше на тех путях, о которых я говорила выше, а возможно, и на других.

Анна Михайловна Гришина скончалась в 2000 году. Она была учредителем польской секции «Мемориала», действующей с осени 1988. Была в числе организаторов «Недели совести» в Варшаве в 1992 г., координировала архивные разыскания о поляках — жертвах ГУЛАГа. Ее статья о работе польской секции «Мемориала» была напечатана в «Новой Польше» (2000, №9). В апреле 2005 посмертно награждена кавалерским крестом ордена «За заслуги» Республики Польша.

Публикуемый текст был прочитан на конференции «В кругу Империи», организованной центром «Карта» в Подкове-Лесной в 1994 году. Это всего лишь набросок — тяжелая болезнь помешала автору продолжить работу над этой темой. Будем надеяться, что судьбы всех русских, связанные с разоблачением катынского преступления, станут предметом дальнейшего изучения.

КАТЫНЬ БУДЕТ РАЗДЕЛЯТЬ ВСЕГДА

— Почему Катынь после стольких лет продолжает разделять Польшу и Россию?

— Катынь будет разделять нас всегда. Германия значительно дальше продвинулась по пути признания ответственности за свои преступления. Несмотря на это, историческая память о немецких преступлениях и их жертвах жива.

Чтобы достичь взаимопонимания, открытого сотрудничества, необходимо разрешить разделяющие нас проблемы и дать им оценку.

Мы сейчас говорим о катынском преступлении, но ведь были еще сотни тысяч других репрессированных польских граждан — высланных, сосланных и заключенных в лагеря.

— Что в катынском деле еще не получило своего разрешения?

— Прежде всего мы не знаем имен около четырех тысяч жертв. Я имею в виду заключенных, содержавшихся в тюрьмах Западной Белоруссии. Они были казнены на основании того же постановления политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., что и узники трех лагерей для военнопленных. Ответ Главной военной прокуратуры на наш недавний запрос показывает, что прокуроры располагают какими-то документами, которые историкам до сих пор неизвестны.

— Тем не менее Главная военная прокуратура все же решила прекратить расследование.

— Прокуратура закрыла расследование, однако не обнародовала юридической квалификации преступления. Из заявления Главного военного прокурора от 11 марта с.г. следует лишь, что это не был геноцид. Значит, прокуратура говорит: это не геноцид — но не говорит, что же это. В ответ на запрос «Мемориала» ГВП привела квалификацию по пункту «б» статьи 193 17 Уголовного кодекса РСФСР (1926 г.), т.е. превышение власти лицами начальствующего состава Красной Армии при наличии особо отягчающих обстоятельств. Мы считаем такую квалификацию неприемлемой. Относительно того, считать ли Катынь геноцидом, возможны различные

мнения. Лично мне кажется, что правильнее было бы считать ее военным преступлением и преступлением против человечества.

— Чем объяснить, что ГВП отказывается передать все материалы следствия в Польшу?

— Мы спросили их и об этом — ответ подкупающе прост. Материалы следствия собраны в 183 тома, причем в 116 томах имеются отдельные документы с проставленными грифами секретности или «для служебного пользования». В связи с этим каждый такой том засекречен как целое.

— А на самом деле?

— Железное выполнение векового правила спецслужб: своих не выдавать. Я же считаю, что все виновные, начиная с высшего уровня и кончая низшим, должны быть объявлены.

Мы сознаём, что невозможно судить людей, которых на свете уже нет, однако фамилии всех соучастников преступления должны быть преданы гласности. Те, кто принимал решение на уровне политбюро, были названы; чем ниже уровень, тем меньше известно.

— Каковы шансы у польского следствия?

— Я как-то не вижу возможностей вести расследование в Польше. «Белорусский список», ведя расследование в Польше, не добыть.

Закрытие расследования в России — это большая ошибка. Польше надо бы протестовать против этого, а не приниматься за собственное расследование. Закрытие российского расследования — это худший выход из плохой ситуации. Расследование могло «тихо тлеть», дожидаться лучших времен. Я считаю, что следствие в России необходимо возобновить.

— В России сейчас неподходящий климат для того, чтобы спокойно говорить об истории.

— Признание истины требует внутреннего перелома. Признать, что твоя страна несет ответственность за преступления, трудно. Гораздо легче помнить, что СССР сыграл решающую роль в победе над фашизмом.

— Какое значение для вас имеет орден от президента Польши?

— У меня смешанные чувства. Я всегда считал, что за то, что мы делаем, не следует давать ордена. Но, конечно же, это для меня большая честь.

Беседу вел Павел Решка

*

Александр Гурьянов, председатель польской секции общества «Мемориал», награжден кавалерским крестом ордена «За заслуги» Республики Польша.

Рышард Криницкий

СТИХИ ИЗ КНИГИ «КАМЕНЬ, ИНЕЙ»

Без четверти полночь

На твой голос в трубке

наложился другой, и его я даже

не пытаюсь понять. Зовет ли на
помощь,

объясняется в любви

ответчику, сбывает акции, клянет

или рыдает. Из озоносферы? Со дна

Атлантики? Без четверти полночь

ничьего времени.

Иней

Серый иней шепота, окаменелость отчаянья. Кто

услышит утихающий псалом земли, немую
перекличку

планет, прощания галактик. Черные солнца

закатываются друг в друга

в нечеловеческом

молчании.

Что бы то ни было

Не все я делаю из любви к тебе

Я люблю тебя

что бы то ни было делая.

Стрельчатый, тихий

Стрельчатый, тихий
раннеосенний свет
засиял за окном.
Тоскую по тебе.

Возьми меня

Возьми меня в свой сон.
Пусть в нем останусь.
Пускай в нем кружусь,
пока не растаю
под твоими веками.

Гинкго

Бытие отдельное, в себе раздвоенное,
посадил я дерево гинкго
(в честь Гёте,
это ясно).
Не хотел бы, чтоб он жил одиноко.
Однако чтобы увериться,
мужской экземпляр или женский,
мне пришлось бы прожить еще
не меньше сорока лет.
Вроде бы не похоже.
Если мой стих доживет,
подсадите к нему друга,
подсадите к нему подружку
на остаток жизни.
У гинкго

такая мелкая разница в возрасте
не имеет особого значения.

Могила Иосифа Бродского

Где лижет ворота

жирное море

На участке евангеликов,
вблизи Эзры Паунда
и Ольги Радж.

Исчезают верные гости:

броская чайка,
пугливые ящерки.

У подножья,
под выгоревшей свечою,
кто-то оставил

(в пластиковом конверте,
защищающем от дождя)
компьютерную распечатку снимка:
больной, исхудалый Бродский
на фоне четырех тетрархов.

Весь в своем
интенсивном взгляде.

На могиле приношения:
перевернутый стакан с мелочью,
пустая четвертинка
с выцветшей этикеткой,
воткнутые в листву

свитки бумаги
(может, письма? или стихи?
просьбы? заклѣтия?).
Пластиковая кружка
полна авторучек
(их хватило бы на вторую,
куда более долгую жизнь).
Черные пластиковые очки
(снова пластмасса,
знамение времени).
На надгробье камушки
как на кургане,
шишка, листок.

(24 июня 2004)

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ЭЛЕГИИ

Чтение новых стихов Рышарда Криницкого позволяет увидеть мир человеческих поступков чуткими глазами существа воистину впечатлительного и осмысленно удивленного.

1.

С середины 1960 х Рышард Криницкий интенсивно — хотя, может быть, не всегда на первом плане — занимает свое место в польской литературе. Он дебютировал как представитель поколения «новой волны». Вместе со Станиславом Баранчаком, Юлианом Корнхаузером и Адамом Загаевским он создавал ту поэзию, которую в значительной степени характеризовало активное участие в попытках изменить общественно-политическую действительность ПНР. Но уже тогда стихи Криницкого отличались какой-то особой атмосферой метафизической тайны, которая даже текстам, связанным с конкретными обстоятельствами, придавала глубину.

Общественная активность, сквозившая в стихах, проявилась и в выборе общественно-политического пути Криницкого. С середины 70 х он деятельно участвовал в жизни создававшейся демократической оппозиции — как редактор и подписывая письма протеста. По этой причине на его имя был наложен цензурный запрет, и в 1975–1989 гг. Криницкий печатался исключительно в неподцензурных издательствах. Стихи и переводы — он переводит с немецкого, в частности, перевел стихи Бертольта Брехта, Пауля Целана, Райнера Кунце — он печатал изредка, но регулярно, от сборника к сборнику давая новые варианты прежних стихотворений. Так Криницкий выказывал свою уверенность в том, что стихотворение — живой организм, постоянно находящийся в эволюции, точно так же, как эволюционирует мир и сознание автора. При этом речь шла не о поправках каких-то неудачных или неверных фрагментов, а о том, чтобы довести стихотворение до возможно более сжатого, скромного и функционального вида.

Возня со старыми стихами влияла на новые, точнее на их скупое количество. Опубликовав в 1985 г. сборник «Стихи, голоса», Криницкий вплоть до 2004 го не издавал новых сборников. За это время вышли только два избранных — «Не поддаваясь небытию» (1988) и «Магнитная точка» (1996). Встает принципиальный вопрос: почему Криницкий так часто

молчит? Почему выход новой книги не подчинен у него двух-трехлетнему ритму, которому как будто подчиняются даже самые выдающиеся поэты?

Мне кажется, что основа отношения Криницкого к поэзии — евангелическое мышление. Мышление, в котором фундаментальные вопросы подвергаются столь же фундаментальным процессам обработки и контроля. Криницкий считает стих самым тонким и достойным доверия инструментом, благодаря которому можно смотреть на мир и с помощью которого можно говорить о мире. И таким образом, когда речь идет — в самом буквальном смысле слова — о жизни и смерти, число стихотворных строк перестает иметь значение. Значение имеет суть заключенного в них опыта, пережитого времени, переваренных мыслей.

2.

Поэзия Криницкого из книги «Камень, иней» разыгрывается в пространстве истин, еще более подвергаемых сомнению и отбрасываемых, и во времени запретов, еще более отбрасываемых и пренебрегаемых, чем это происходило в прежних его произведениях. И хотя не поэт был тем, кто эти истины и запреты предоставил самим себе (можно предполагать, что он скорее был готов стать их опекуном), все-таки во имя сочувствия человеку (хотя необязательно человечеству) он берет на себя труд быть художником в этих неблагоприятных условиях и враждебных обстоятельствах. Обстоятельства, которые приводят к тому, что мы живем в самом буквальном смысле слова десакрализованно:

Превыше всего ценится хозяйственность,

порядок и чистота:

превратили синагогу в городской бассейн,

на рыночных автостоянках

нет и следа от еврейского кладбища.

(1979)

(Город)

Но *sacrum*, утопленное в сточной канаве, достоинство, втоптанное в уличную пыль, — не аргументы в пользу того, чтобы забросить внимательную жизнь-в-мире. Криницкий не презирует мир, не ищет легких оправданий тому, чтобы

отвернуться от его постыдных конвульсий или дурацких триумфов. Скорее он решительным, хоть и тихим голосом задает поражающие своей обычностью, обезоруживающе комичные, потрясающие вопросы:

Что такое правда?

Где ее помещение?

Где ее правление?

Где ее надзорный совет?

Где ее юристы?

Где ее охранники?

Где ее отдел рекламы?

Где отдел маркетинга?

Какой у нее зрительский рейтинг?

Какая пробивная сила?

Какое покровительство в медиа?

Хорошо ли она продается?

Котируется ли уже на бирже?

Сколько стоят ее акции?

(Правда?)

Вопросы, которые восстанавливают пропорции, позволяют увидеть действительно разрушительный аспект мышления, полностью подчиненного рыночному складу ума.

Эта жажда ничем не облегчаемой жизни – как – можно – ближе – к – миру приводит к тому, что стихи Криницкого прекрасны и нелегки для понимания. Ибо хотя Криницкий, как мало кто из современных поэтов, в совершенстве владеет словом, восприятие его стихов затруднено их метафизическим герметизмом. Это, как правило, кристально – гномические миниатюры, возникающие из использования основополагающих слов — самых возвышенных и самых простых, написанные чуть ли не евангельски простым языком.

Слепое? Глухое? Немое?

Непонятное:

Есть.

И, как евангельские притчи — они могут дождаться самых разнообразных истолкований. Несомненно, верховный постулат у Криницкого — добро или, точнее, желание быть добрым, но этот постулат не заслоняет всех возможных сложностей, которые начинаются, когда дело доходит до исполнения этого желания.

3.

В последней книге поэта особенно останавливают внимание читателя «Три стихотворения только для себя» — три крохотки, конденсированные до пределов возможности слова и представляющие собой свидетельство необычайной интенсивности чувств к любимой женщине. Они составляют невероятный, светлый контрапункт к интенсивно меланхолическому целому.

*

Мартин Баран (1963 г.р.) – поэт, литературный критик, журналист. Один из основателей журнала «бруЛион». Дебютировал в 1990 г. сборником стихов «Смятение». Автор девяти стихотворных сборников. Вместе с Марином Сендецким и Марином Светлицким составил антологию стихов памяти Чендлера. В 2004 г. в США вышла подготовленная им антология стихотворений молодых польских поэтов. Его стихи переведены на английский, французский, немецкий, русский, чешский, португальский, болгарский, словацкий и словенский языки. Живет в Кракове.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В том, чего достиг Адам Михник как в жизни, так и своими статьями и книгами, не усомнишься, хотя вокруг него идут многочисленные споры. Этот историк и публицист, родившийся в 1946 г., с самой ранней юности втянулся в оппозиционную деятельность. Еще в начале 1960 х, будучи школьником, он учредил «Клуб искателей противоречий», вскоре распущенный властями. С юных лет сотрудничал он и с оппозиционными кругами, а вскоре — будучи учеником Кароля Модзелевского и Яцека Куроня, авторов знаменитого «Открытого письма партии», за которое они получили тюремные сроки, — стал одним из вождей студенческого бунта в марте 1968 года. Его статья, определявшая военное положение как «нападение бандитов» на сумасшедший дом и написанная в «ярузельской» камере, была шедевром. Из посвященных Михнику стихов можно было бы составить небольшую, но внушительную антологию. Блестящий ум автора книги «Из истории чести в Польше», впечатляющая эрудиция и в то же время способность налаживать контакты с людьми превратили его в одну из легендарных фигур польской оппозиции, но и — после 1989 г. — в одного из ведущих «футболистов» польской политики. Будучи главным редактором «Газеты выборчей» (с этого поста он ушел года полтора назад по состоянию здоровья), он оказывал реальное влияние на формирование политической сцены, оставаясь чем-то вроде «серого кардинала». Его контакты с бывшими партийными вождями, особенно его склонность прощать им их прошлое, привели к тому, что круг его сторонников систематически уменьшался.

Уход Михника в тень порождает множество догадок. Поэтому не удивляет публикация многостраничного анализа, сделанного им в журнале «Ньюсуик-Польша» (2005, №17). Статья Михала Карновского и Петра Зарембы «Конец мира главного редактора», для «Ньюсуика» исключительно длинная, полна домыслов:

«Где Адам Михник? Одни называют это новое время в жизни Михника изгнанием. Другие — окончательным поражением его политического проекта. (...)

— Для меня Михник раскалывается на две фигуры. Выдающаяся личность до 1989 го, мужественная и бескомпромиссная. И человек, наносивший Польше серьезный ущерб во времена Третьей Речи Посполитой, — говорит Ярослав Качинский, который работал вместе с Михником в Комитете защиты рабочих.

Даже если не все формулируют свои суждения так резко, все-таки для большинства тех, кто в прошлом был в „Солидарности” — включая ближайших знакомых Михника, — то, что он называет генерала Чеслава Кищака [министра внутренних дел, одного из организаторов военного положения] «человеком чести» и навязчиво рекламирует Лешека Миллера [до недавнего времени лидера экс-коммунистов], создает немалые неприятности.

Но главный редактор столкнулся кое с чем, что куда горше критического суждения того или иного круга знакомых. Его тексты перестали быть точкой отсчета, зачином дискуссии, директивой другим журналистам и польской интеллигенции. (...) Его время уходит. Идея исторического соглашения с экс-коммунистами перестала быть актуальной, ибо их лагерь рушится — причем из-за Михника [имеется в виду «афера Рывина», в которую замешаны многие лидеры экс-коммунистов — СДЛС — и с которой начался их обвал. — Пер.]. Уходят и времена, когда вели [кабинетную] политику на манер французов. Дискуссия — и это обладает своими недостатками, но и крупными достоинствами — перестает быть храмом для посвященных. Михник, прежний жрец и авторитет, становится анахронизмом.

Мы не знаем, ушел ли он уже на покой или только уединился для молитвы и размышлений. (...) Но похоже, что Михник все больше погружается в мир, из которого пришел, в который влюбился чудесно одаренным подростком, — мир столкновения идей, воспоминаний, великой истории и ее героев. Да только теперь он сам один из этих героев, и, как бы ему ни случалось заблуждаться, этого никто у него не отберет».

Между тем Михник нашелся. Недавно опубликованы его статьи, показывающие, что он берется за постановку диагноза современной Польше. Из опубликованного вырисовывается замысел книги, ведущей мыслью которой будет построение аналогии между событиями Французской революции и Реставрации, с одной стороны, и Польшей от перелома, вызванного движением «Солидарности», — с другой. Первая статья, «Эти ультра нравственной революции», опубликована в «Газете wyborчей» от 16-17 апреля нынешнего года. Она

прямо отвечает на недавно появившиеся призывы к «нравственному обновлению», провозглашаемые братьями Лехом и Ярославом Качинскими из «Права и справедливости» и Яном Рокитой из «Гражданской платформы». Михник пишет:

«Мы нуждаемся в нравственной революции! Действительно ли мы в ней нуждаемся? Конечно! — отвечал на такой призыв ультрареволюционер-якобинец. Конечно! — отвечал ультрареакционер, сторонник контрреволюции. Радикалы, сторонники крайних решений, ультра всех цветов радуги нуждаются в революционных потрясениях, ибо только такие потрясения, переворачивающие мир вверх тормашками, позволяют им осуществить мечту о Великом Очищении. (...)

Повторяется ли история? Карл Маркс где-то написал, переиначивая Гегеля, что каждое историческое событие повторяется дважды — первоначальная трагедия становится фарсом. Маркс ошибался — они повторяются куда чаще. Мир по-прежнему полон инквизиторов и еретиков, обманщиков и обманываемых, террористов и терроризируемых. По-прежнему кто-то погибает при Фермопилах, кто-то выпивает чашу с цикутой, кто-то переходит Рубикон, кто-то составляет проскрипционные списки. И ничто не указывает, что это перестанет повторяться. Мы любим твердить, что история — учительница жизни. Если это верно, то мы очень плохо слушаем ее уроки. Поэтому я сегодня задумываюсь обо всех этих ультра революции и ультра контрреволюции, которые мечтали о великом очищении и нравственной революции не для того, чтобы язык того террора уже не повторился, но в уверенности, что он неизбежно будет повторяться и повторяться».

Михник заключает:

«В одном якобинец и ультра всегда найдут согласие: лес рубят — щепки летят. Так вот: я — щепка. И прежде чем нравственные революционеры отнесутся ко мне как к щепке — во имя Добродетели и Свободы, во имя Божьего порядка и истины, данной в Откровении, — позвольте сказать: без меня, дамы и господа! Я уже это проходил.

Разные бывали революции. Английскую революцию 1688-1689 гг. называли „славной революцией”. (...) „Истинную славу британской революции, — писал Джордж Маколей Тревельян, — составляет то, что она была бескровной, что не вызвала гражданской войны, что не было никакой резни и

проскрипций, а главное — что было достигнуто общее согласие насчет религиозных и политических различий”.

Это согласие прошло испытание временем, принесло упрочение свободы в общественной жизни и практический компромисс в мире религиозных страстей. „Люди 1689 г. не были героями, — писал Маколей Тревельян, — Даже не так много среди них было по-настоящему порядочных. Но это были люди весьма сообразительные и в этот критический момент, наученные горьким опытом, они поступали так, как даже самые сообразительные не всегда поступают, то есть с разумом и умеренностью”. Опасность заставила находившихся в конфликте вигов и тори заключить компромисс, называемый Революционным договором. Договор сопровождался Актом терпимости, в котором одни видели право жить по своей совести, а другие — „неизбежный компромисс, заключенный с ошибочными взглядами”. (...) нам, недовольным из секты вечно неудовлетворенных и перепуганных, мечтается о чем-то похожем. Мы не хотим новых нравственных революций, примерки ежовых рукавиц, проскрипционных списков врагов, подозреваемых во враждебности, кандидатов в подозреваемых. Нам, недовольным, мечтается именно о такой помеси компромисса и здравого смысла. Мы, недовольные, не хотим новых революций в стране, которая еще не пришла в себя после нескольких предыдущих».

Текст Михника можно сопоставить со статьей Барбары Скарги «Против ненависти» («Газета выборча», 19-20 марта). Автор, видный философ (1919 г.р.), во время войны сражалась в рядах Армии Крайовой, в 1945-1955 гг. была узницей советских лагерей. Внимательно наблюдая атмосферу, господствующую в политической жизни, она пишет:

«Мне трудно молчать, трудно не выразить протест. Нельзя жить в атмосфере, господствующей в последнее время в нашей стране. (...) Все выше поднимается волна ненависти, разрушая нашу общественную жизнь. (...) Врага всегда можно найти, а толпу подзудить легко. В результате ненависть как грязь способна замазать всякую общественную деятельность — липкая и разрушительная, она готова развалить даже самое лучшее. Увы. Мы можем в этом убедиться, ибо сегодня она снова показывает свое остервенелое обличье. И никто на ее действия не реагирует, никто не осуждает — наоборот, есть такие, у кого полон рот нравственной революции, а ненависти они поддаются с охотой, словно соскучились по виселицам. Так, может, пора сказать „хватит”? Может, пришло время протеста порядочных людей, всех, кого при виде этих полных ненависти

действий охватывает ужас? Почему мы позволяем подобные методы, почему позволяем разрушать ткань общества? Мои слова, наверное, некоторых возмутят. Ну и хорошо — может, они хоть на минуточку задумаются над тем, что делают. У меня рвется на уста только один горький вопрос: неужели ради политического удовлетворения таких ничтожных людей страдало и боролось за свободу мое поколение?»

Однако эти слова никого не возмутили. Более того — никого не затронули, прошли безо всякого отголоска. В атмосфере нарастающих предвыборных эмоций иначе быть и не могло: предвкушение их можно было ощутить во время парламентских дебатов 5 мая, которые предшествовали несостоявшемуся голосованию о роспуске Сейма, — это был воистину орвелловский «час ненависти», только не односторонней, а взаимной.

Но протест Барбары Скарги показывает одно: «мы», использованное в статье Михника, — это не какое-то *pluralis majestaticus*: оказывается, этих «недовольных из секты вечно неудовлетворенных» не так уж мало. Это не значит, что аргументация Михника всех убеждает. Полемизируя с ним, Стефан Несёловский, бывший политзаключенный и посол от правых, в статье «Кровь революции, умеренность Реставрации» («Газета выборча» от 30 апреля — 1 мая) подчеркивает, что автор «Этих ультра нравственной революции» упрощает историю, пытаясь свести к общему знаменателю крайние позиции глашатаев революции и их противников. Он пишет:

«Автор приравнивает (...) радикализм родом из эпохи Просвещения, отвергающий христианскую нравственность как источник права и общественного порядка, который восторжествовал во времена якобинцев, к попыткам восстановить этот порядок на основе нравственных принципов в правление французской Реставрации».

Отвергая эти упрощения и подробно анализируя «умеренность Реставрации» как «период лечения ран», Несёловский заканчивает свою полемику отсылкой к нынешнему положению в Польше:

«Правда, что идеологам и фанатикам сопутствует разнообразное жулье, жаждущее личных выгод. Робеспьер наверняка не воровал (...) и верил в возможность честного правления, которое осчастливит всех с помощью террора. Но он не был в состоянии справиться с гигантскими злоупотреблениями, сопровождавшими террор, со взятками,

использованием насилия в собственных интересах. Что касается нацизма и коммунизма, тут трудно сказать, что жулье сопровождало идеологов, — они сами были сплошное жулье.

Я ненавижу любые революции и диктатуры (...). Все они, в общем, ведут к одному и тому же: смерти, террору, лжи, унижению, нищете и лицемерию. Из двух зол лучше, если вместо революции мы будем иметь дело с еще одним предвыборным лозунгом, пустым обещанием великого „перелома”. Такие лозунги время от времени появляются в демократических странах. Если избиратели к ним прислушиваются, то, как правило, демократия оказывается под угрозой. Я, однако, убежден, что демократия в Польше найдет достаточно сил, чтобы защититься от очередной „революции” и ее боевиков».

Это «однако» заслуживает особого внимания, тем более что таких якобы «пустых лозунгов» прибывает и неизбежно начинается соревнование в радикализме.

Открытым остается вопрос, был ли польский «круглый стол» 1989 года аналогией британскому Революционному договору. Вероятно, можно находить тут какие-то сходства. Но на дворе у нас не XVII век, а вдобавок нет ясного подразделения на две партии. «Партия» «Солидарности» подверглась распаду на множество осколков, в игру вступили и те, кто раньше жил притаившись или сотрудничал с коммунистами (хотя бы те националисты, которых возглавляет Роман Гертых). Коммунисты, преобразовавшиеся во всё новые группировки, в последнее время перестали представлять собой значимую общественно-политическую силу, что, впрочем, явление положительное: в конце концов, они стояли за тоталитаризм (хотя и *alla polacca*, но и в таком виде это было малопривлекательно). Революция «Солидарности» сама себя пожирает, и, быть может, прав был Густав Герлинг-Грудзинский, предостерегавший, как бы бескровная революция не превратилась в революцию без крови в жилах. И не без основания в следующей статье («Будешь ли ты достаточным подонком?»), опубликованной уже после статьи Несёловского, Михник спрашивает:

«А сегодня мы спрашиваем, что с нами случилось? Почему мы заменили хартию прав человека на кредитную карточку, почему не так охотно перечитываем „Лорда Джима” Джозефа Конрада или „Чуму” Альбера Камю — книги наших мечтаний, ныне превратившихся в мечту о чековой книжке? Почему папский евангельский призыв „Зло добром побеждай!” не преобразил полных ненависти организаторов той или иной

травли и поклонников истин из гэбешных архивов? Мы сегодня не любим наш мир. Мы себя плохо чувствуем в нашем мире. Почему? Разве когда-то, когда мы скандировали „Нет свободы без «Солидарности»!”, тот мир был прекрасен, а потом оподлился? Или, может, скорее, как писал Адам Загаевский, „мир двойной, поделенный, одновременно прекрасный и тривиальный, тяжелый и летучий, героический и трусливый”? Сегодня он кажется нам тривиальным, тяжелым и трусливым. Почти каждый из нас переживает разочарование».

Да, это начало следующей важной статьи. И, может быть, — в чем я сомневаюсь, но, и сомневаясь, продолжаю надеяться, — эти статьи Михника станут зачином новой дискуссии о нашем самосознании, как это уже было, когда в ответ на книгу Адама Михника «Церковь, левые, диалог» [в русском переводе: «Польский диалог: Церковь — левые», Лондон, «Оверсиз», 1979] о. Юзеф Тишнер написал большую полемическую статью «Польская форма диалога». Существует ли еще какая-то форма польского диалога, или же, подозреваю, мы живем в пространстве множества монологов, которых никто уже не слушает и слушать не собирается?

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• «Газета wyborcza» присудила главе дипломатии Евросоюза Хавьеру Солане звание «Человека года» за то, что он «протянул руку Украине и внес вклад в созидание новой Европы». Прибыв в Варшаву, чтобы получить премию, Солана стал свидетелем жарких споров на организованном «Выборчей» дискуссионном форуме «Россия и ее западные соседи». «Если мы в Польше (...) будем ставить моральный и исторический знак равенства между солдатами Красной Армии, погибшими на польской земле, и нацистами, то мы сами себе навредим», — сказал в заключение дискуссии главный редактор газеты Адам Михник. В свою очередь главный редактор московского журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов поставил своей стране такой диагноз: «У нас есть два выхода. Либо мы решимся на болезненный процесс и признаем, что наша империя пала, кончилась, признаемся в ее ошибках, либо будем все глубже погружаться в ностальгию по прошлому и любой ценой защищать наш образ истории. Надеюсь, что мы выберем первый путь, а не второй, от которого можно ждать только несчастий».

• В Варшавском университете состоялось торжественное обновление докторской степени Лешека Колаковского, всемирно известного польского философа и эссеиста, ныне живущего в Оксфорде. В похвальном слове проф. Марек Семек, бывший ученик профессора, говорил о его работах, а также вспоминал: «Сердца студентов он завоевывал знаниями, мудростью и чувством юмора. Когда в 1968 г. он был вынужден покинуть страну, мы защищали его. Это повлекло за собой репрессии, но работы профессора продолжали читать». Со своей стороны проф. Барбара Скарга из Института философии ПАН сказала: «На философский факультет пришло новое поколение, у которого нет чувства вины за то, что случилось в 1968 году. Прежде всего именно молодые хотят, чтобы Колаковскому были оказаны почести. Они сожалеют, что все эти годы среди них не было выдающихся авторитетов. Польская философия много потеряла из-за отсутствия лекций и семинаров профессора».

• «Збигнев Менцель наконец-то написал озорную, умную, трогательную, смешную, ироничную и самоироничную вещь», — так оценивает книгу «Все языки мира» Кшиштоф Маслонь. Между тем Лешек Колаковский пишет о книге Менцеля так: «Я считаю, что это замечательное произведение, но не могу объяснить, что мне доставило в нем такое удовольствие (...) Я даже не уверен, роман ли это в обыкновенном смысле этого слова. Описываемые события происходят в течение одного дня, но с многочисленными отступлениями в прошлое (...) Несмотря на свой скромный объем книга Менцеля — это по сути дела эпос, но эпос особого рода: свободный от героических подвигов, зато перемешанный с гротеском». И снова Кшиштоф Маслонь: «То, как автору удалось передать атмосферу 60-х годов, просто невероятно: все выглядит так, как было на самом деле — а ведь в нашей коллективной памяти это время уже не существует...»

• Вышел в свет последний том собрания сочинений Станислава Лема, в который входят первые газетные статьи писателя, опубликованные в 40-х годах. К нему прилагается подарок — мультимедийное издание «Вселенная Лема», представляющее миры известнейшего польского автора научно-фантастической литературы и выдающегося мыслителя. В Кракове, родном городе писателя, прошел Лемологический конгресс, сопровождавшийся выставкой и Днями открытых дверей в астрономической обсерватории Ягеллонского университета.

• Краковский Конгресс переводчиков польской литературы — это крупное мероприятие, популяризирующее польскую литературу в мире. «Польша не может себе позволить дорогих презентаций и многодневных литературных фестивалей — говорит директор Института книги Анджей Новаковский, — поэтому мы действуем другими путями». Конгресс — один из таких путей. Чаще всего польскую литературу переводят на немецкий и русский, а среди писателей тон задают Станислав Лем, Чеслав Милош, Рышард Капустинский (рекордсмен по количеству языков — его книги изданы на 25 языках мира), Витольд Гомбрович, Вислава Шимборская, Славомир Мрожек и Иоанна Хмелевская, чьи книги переведены, правда, только на два языка, но зато в рекордном количестве — 107. Премия «Трансатлантик» за лучший перевод присуждена Генрику Береске, переводчику польской литературы на немецкий.

• В списках бестселлеров всё по-прежнему — с «бабскими» романами Катажины Грохоли («Личность и мы») и Моники Швай («Степенность и сумасбродство»), а также детективом

Иоанны Хмелевской («Меня убить») соседствуют только стихи Иоанна Павла II. Иоанн Павел II остается также главным и почти единственным героем документальной литературы — только две книги из восьми посвящены чему-то другому.

- «Одна из прелестей мира искусства — это его разнообразие, которое нельзя уничтожить, иначе воцарится повсеместная скука», — написал в своих «Записных книжках» замечательный историк театра Збигнев Рашевский, умерший в 1992 году. Недавно два тома его записок вышли в издательстве «Пульс». «Сегодня, в эпоху СМСов и e-mail'ов это несколько старомодная форма, но насколько же она элегантна и занимательна», — пишет Януш Р. Ковальчик.

- В Варшаве на 67-м году жизни умер Ежи Гжегожевский, один из самых выдающихся режиссеров польского театра. «Для традиционалистов он был слишком авангардным, для авангардистов — слишком традиционным, — написал о нем Роман Павловский и указал идею, вытекающую из спектаклей Гжегожевского: — В Польше высокая культура умирает, искусство кончилось, истинному артисту нет места. Всё заливают волна варварства, невежественности и поверхностности».

- Альтернативный театр «Лазня» («Баня») переехал из краковского района Казимеж в Новую Гуту, бывшую главную стройку социализма, на которой нынешние социологи и политики давно поставили крест. Театр сменил название на «Новую лазню» и начал издавать ежемесячный журнал «Ледоламач» («Ледокол»), на страницах которого лидер театра Бартек Шидловский написал: «“Ледоламач” — это машина артиста, направляющаяся в сторону повседневности. Такой машиной стали и два первых спектакля “Новой лазни”». Критик же добавляет: «Шидловский последовательно осуществляет идею вписывания искусства в общественный контекст города».

- Постоянно работающий во Франции в театре «Комеди франсез» польский актер и режиссер Анджей Северин удостоился высшей французской награды — ордена Почетного Легиона.

- 40-летие своей творческой деятельности отметил Януш Гайос. В связи с юбилеем он сыграл роль в спектакле Ника Дира «Власть», действие которого происходит во Франции времен Людовика XIV. Еще студентом киношколы Гайос сыграл знаменитую роль Янека Коса в сериале «Четыре танкиста и собака». «Профессора предсказывали, что он уже никогда не

сыграет ничего серьезного, так как появление молодого актера на улице вызывало сенсацию», — пишет Роман Павловский. Сегодня это один из лучших драматических актеров польского театра и кино. К счастью, профессора ошиблись, а Гайосу удалась очень трудная вещь: он убежал от образа, который сформировал его. Это никогда не удалось другому польскому кумиру сериалов — Станиславу Микульскому, сыгравшему капитана Клосса.

- Тем временем телепродюсеры продолжают интересоваться возможностью снова показать на голубых экранах приключения капитана Клосса и его немецкого противника Германа Брюнера — некогда самых ярких персонажей польской массовой культуры. Уже готовы несколько вариантов выхода на экран новых серий, а продюсеры готовы пойти на риск. В том варианте, который, скорее всего, станет окончательным, действие происходит в наши дни, а нескольких постаревших, но все еще бодрых героев должны, как и раньше, играть Станислав Микульский и Эмиль Каревич — правда, на этот раз без мундиров.

- В Варшаве вручены «Викторы-2004» — премии самым интересным телевизионным личностям минувшего года. «Викторов» получили, в частности, польский комиссар Евросоюза Данута Хюбнер (в категории «самый популярный политик») и Камиль Дурчок (лучший журналист, комментатор и публицист). Лучшим эстрадным артистом был признан пианист Лешек Можджер, диктором — Юстина Поханке с ТВН, а телевизионным актером — Ежи Радзивилевич. Споры и протест Юрека Овсяка вызвало присуждение специальной премии «за создание первого частного телевидения» создателю и владельцу «Польсата» Зигмунту Соложу-Жаку.

- «Игры с образом, философские трактаты, призрачные объекты» — так анонсируется во Вроцлаве одна из важнейших европейских выставок медиаискусства в рамках XI Международного биеннале медиаискусства «WRO-05».

- По сообщению Польского агентства печати, «овацией стоя завершился в Папском Латеранском университете просмотр для прессы фильма Джакомо Баттиато “Кароль — человек, ставший Папой” с Петром Адамчиком в главной роли, повествующий о жизни Кароля Войтылы, т.е. Папы Иоанна Павла II».

- Ждут премьеры несколько интересных польских фильмов. Прежде всего это картина Кшиштофа Занусси «Персона нон грата» о польско-российской дипломатической интриге в

Уругвае со Збигневом Запасевичем и Никитой Михалковым в главных ролях. Кроме того, Феликс Фальк («Затейник») завершил работу над «Судебным исполнителем» с Анджеем Хырой в главной роли, а Роберт Глинский экранизировал «Крик жерлянки» Гюнтера Грасса.

- В рейтинге самых популярных фильмов, демонстрировавшихся на польских экранах, лидируют польские картины. Первое место заняла комедия Сильвестра Хенцинского «Все свои». Далее идут экранизации прозы Сенкевича: «Крестоносцы» Александра Форда и «Потоп» Ежи Хоффмана. Первый заграничный фильм — это знаменитая сага времен американской гражданской войны «Унесенные ветром» с Вивьен Ли и Кларком Гейблом.

- Почетным покровителем X Европейского кинофестиваля, на котором было продемонстрировано около 40 новых европейских фильмов, стал актер и режиссер Ежи Штур. В одном из интервью, взятых у него по этому случаю, Штур сказал: «Я поддерживаю любую, даже дьявольскую инициативу по популяризации европейских фильмов (...) Именно в Европе зародилась традиция эксперимента с формой, которую я очень ценю».

- Работы более чем 200 художников, предложения частных галерей искусства и некоммерческих галерей были представлены на крупнейшем в Польше смотре современного искусства, каким стала ярмарка «Art. Познань-2005». Ярмарка сопровождалась тематическими выставками: «Горизонты событий», «Коллекция Академии художеств 3», «Любовь и демократия». «Что остается после такой большой выставки? Каталог с нагромождением информации, фильм, фотографии, разговоры, может быть, банальные сплетни, а может, то, что важнее всего, — встреча с искусством, погружение на мгновение в то, что так много значит для двухсот с лишним художников, которые хотели рассказать вам о вещах, важных для мира, для общества, для них самих. Быть может, они хотели прокричать, прошептать, высмеять, прокомментировать то, что глубоко скрыто — вокруг нас или в нас», — написала Изабелла Густовская, художественный директор ярмарки.

- В этом году Польша отмечает 90 летие со дня рождения и 15 летие со дня смерти Тадеуша Кантора — создателя одного из самых интересных экспериментальных театров «Крико», а затем «Крико 2». По этому случаю варшавская галерея искусств «Захента» подготовила большую выставку, посвященную краковскому художнику и режиссеру. «Выставка представляет

собой обзор всего творчества Кантора, — пишет Дорота Ярецкая. — Но это не ретроспектива. Это некоторые работы, выловленные из целого моря созданных им предметов, — с упором на хэппенинг, рисунок и странные предметы на грани скульптуры, инсталляции и театрального реквизита. За весьма замысловатым названием “Интерьер воображения” (...) кроется феноменальное зрелище (...) Выставка показала Кантора актуального, Кантора современного, Кантора на сегодня. Какой это Кантор? Близкий сегодняшнему мышлению об искусстве. Ибо нынешнее искусство — это не скульптура, картина, фильм или спектакль. Это действие, что-то вроде постоянного диалога со зрителем, провокация. Авторы выставки взглянули на Кантора сквозь призму самого современного искусства».

В БРЮХЕ МЕДНОГО БЫКА

— Ваш отец Тадеуш Бохенский был писателем, поэтом и филологом-классиком. Это он привил вам любовь к античной культуре?

— Несомненно, в значительной мере это произошло благодаря ему.

— Правда ли, что в юности вы зачитывались Тацитом?

— Зачитываться Тацитом в юности невозможно, если под юностью понимать мальчишеский возраст, когда испытываешь прямое влияние отца. Тацит — очень сложный писатель с любой точки зрения: и с точки зрения языка, и с точки зрения смысла. В то время я читал куда более легких авторов, прежде всего Овидия, любовь к которому сохранил на всю жизнь, а также литературу по обязательному списку для школьников того времени, когда еще учили латыни: Юлия Цезаря, Корнелия Непота, Вергилия, а став чуть постарше, перешел уже к более трудному автору — Цицерону.

— Сегодня в обязательном порядке учат английский язык. Но у этого языка роль скорее функциональная. Нужно ли обучать молодежь латыни и греческому, как это было встарь?

— Конечно, нужно, но с другой стороны, я понимаю, что, пожалуй, в наше время это уже невозможно. Я написал об этом статью в прошлом году. Если говорить в общем плане, следует смириться с тем, что знание этих языков останется прерогативой специалистов. Были попытки сделать из латыни европейский язык международного общения, например в дипломатии, ибо Европа несколько косо смотрит на английский. Ей бы хотелось иметь какой-нибудь собственный, континентальный язык. Но ввиду современного состояния системы образования это скорее всего невозможно.

— Однако именно в этой статье вы писали, что изучение латыни и греческого вырабатывает в молодом человеке способность испытывать уважение.

— Это вопрос более глубокого проникновения не столько в сам язык, сколько в античную культуру. Если мы осознаём, что кроме современного существует и иной горизонт, то меняется и вообще наш взгляд на мир, и наши философские и

эстетические позиции. Мы начинаем ощущать, что способны к гораздо более скромному поведению, без той нашей чванливости, которая основана лишь на более высоких технологиях и высококачественном потреблении. Следует также добавить, что культуру древнего мира от современной весьма существенно отличает иное отношение к традициям, к тому, что передали нам предки и старые мастера. Сегодня мы относимся к прошлому снисходительно, ибо верим в абсолютную ценность модернизации и прогресса. Жители древнего мира лучшим считали то, что было достигнуто прежде. Образцы совершенства, добродетели и талантов в области искусства уже были даны предшественниками, они существовали прежде, и следовало лишь к ним вернуться, попытаться достичь их уровня. Таким мышлением, пожалуй, более всего и отличается древний мир от нашего.

— Профессор Ежи Аксер, один из основателей Международной гуманитарной школы Центрально-Восточной Европы, призывает вернуться к античной культуре, ибо она дает нам общий код, помогающий преодолеть стереотипы. В свою очередь, Кароль Модзелевский в своей новейшей книге «Варварская Европа» доказывает, сколь многое в нашей культуре сохранилось с варварских времен.

— Это правда. Варвар в понимании Модзелевского, как и в понимании древних римлян, означает жителя Европы, который происходил не из Италии и не пользовался латинским языком, но, создавая новые организации, институты и новые законы в христианской Европе, уже не мог обходиться без латыни. Ведь это был мертвый язык в то время, и использовали его духовные лица, ученые, артисты, юристы, дипломаты, администраторы. Книга Модзелевского кроме того, что доставила мне удовольствие от общения со средневековой латынью, позволила также узнать, как много из обычаев, общих для европейских народов, сохранилось до наших дней — в тех же демократических институтах, или, скажем, в нашем отношении к этим институтам, в котором действительно что-то есть от этого самого «варварского» атавизма. Например, поляки прекрасно чувствуют себя при так называемой военной демократии, означающей в историографии или антропологии раннего средневековья институт, в котором способные воевать мужчины собираются и совместным голосованием принимают решение за все сообщество. Это напоминает наше плебейское отношение к справедливости. Наверняка мы чувствовали бы себя прекрасно в ситуации, когда бы нам было можно, аплодируя или потрясая оружием, принимать или отклонять

судебные приговоры. Я думаю, что эти обычаи, претерпев различные модификации, сохранились в привычках шляхты и дожили до наших времен. Они присутствуют в польских общественных инстинктах.

— В 1961 году вы опубликовали «Божественного Юлия» — беллетристическое эссе, в котором описали культ личности и деградацию подавляемого террором общества. Тем самым вы хотели померяться силами с окружавшей вас действительностью?

— Нет, это преувеличение! Ни один автор не ставит перед собой такой задачи: напишу-ка я книгу и померяюсь силами с действительностью моего времени. Прежде всего автор никогда до конца не знает, что он напишет. Двигается на ощупь. А генезис «Божественного Юлия» почти анекдотичен. Я ушел тогда — это был 1958 год — из редакции еженедельника «Пшеглэнд культуральный». Я ушел потому, что не хотел быть одним из редакторов, то есть тем, кто отвечает за политический характер издания, — хотел отвечать только за себя. Главный редактор Густав Готтесман сказал мне: «Хорошо, можешь уходить из редакции, но оставайся нашим автором и пиши для нас все, что хочешь». Дома, лежа на диване, я протянул руку к полке с книгами, чтобы почитать что-нибудь приятное для отдыха. Попалась книга «Commentarii de bello Gallico» («Записки о галльской войне») Юлия Цезаря. Я начал читать, а читая — переживать значительно глубже, чем в тот первый раз, когда в мальчишеском возрасте я читал эту книгу в отцовском доме. Я подумал, что в польской прессе никто не пишет об античности, что нет, скажем, такого очеркиста, который занимался бы подобной тематикой. И я написал небольшой текст о «Записках о галльской войне» Юлия Цезаря. Я отнес его в редакцию, там понравилось, и мне велели писать дальше. Сначала я даже не знал, что сосредоточусь на личности Цезаря. Я думал, что буду переходить от одной книги к другой, от одного лица к другому, поэтому назвал всё вместе «Записками букиниста». Но несколько опубликованных отрывков прочитала Ирена Шиманская из издательства «Читательник». Она была выдающимся издателем, таким, который помогает писателю: выдавит из писателя книгу, проследит, чтобы он ее написал и чтобы при этом почувствовал себя счастливым. Именно она уговорила меня сделать из «Записок букиниста» книгу о Цезаре. Но что я буду меряться силами с современным миром, миром диктатуры — такой задачи я себе тогда не ставил. Однако, работая над книгой, мне приходилось, естественно, обращаться к жизненному опыту, а ведь я жил при диктатуре.

— Читатели однозначно восприняли эту книгу как политическую аллюзию.

— Этому способствовали наши коммунистические власти, «Божественный Юлий» стал объектом политической сенсации. Книга понравилась редакторам другого литературного еженедельника того времени — «Новой культуры», и они решили ее отметить премией. Премии, присуждаемые литературными изданиями, были пережитком, оставшимся от октябрьской «оттепели» 56 го года: не партийные власти, а редакции журналов могли по собственному усмотрению присуждать премии книгам. Но о таких решениях следовало информировать власти. Когда в отделе культуры ЦК ПОРП узнали, что премия будет присуждена книге «Божественный Юлий», было сказано: «Нет». Редакции пришлось подчиниться, но в редакции придумали некий фокус. О премии, правда, не было объявлено, но на первой полосе с большим размахом, явно демонстративно, была помещена восторженная рецензия. Это вызвало ярость партийных властей и закончилось фатально. Главного редактора Стефана Жолкевича выгнали из «Новой культуры». И понизили в должности автора рецензии Алицию Лисецкую. А спустя какое-то время об этом рассказала радиостанция «Свободная Европа», которая тоже присудила книге символическую премию, как раз на Новый год, во время беседы, которую вели эмигранты, выдающиеся писатели и критики Тимон Терлецкий, Мария Данелевич, Густав Герлинг-Грудзинский и Тадеуш Новаковский. Все это послужило тому, что читатели действительно стали гоняться за «Божественным Юлием».

— В следующей книге, «Поэт Назон», вы описываете конфликт между Публием Овидием Назоном и императором Августом, то есть между художником и властью. Вы выдвинули такой тезис: «...не Цезарь, но сама поэзия обвиняет поэта...» Это довольно провокационный тезис.

— Этот тезис порожден размышлениями над загадкой изгнания Овидия и над тем, что он об этом написал. Ведь все, что мы знаем, мы узнали от самого поэта. Нет никаких иных источников, которые объясняли бы причину изгнания. Но речь, разумеется, идет о проблеме нравственной ответственности писателя. О проблеме, которую мне окончательно не разрешить: как далеко зашла безнравственность искусства, и насколько интересы искусства преобладают над возможными нравственными сомнениями художника, и до какой степени нравственное самосознание все же является органической частью самого творчества. Как мне

представляется, невозможно создать великое произведение — а мы говорим в данный момент о великих произведениях, — если отсутствует нравственная составляющая самосознания. Мы вообще не до конца понимаем, что такое нравственность, но я не буду углубляться в философию этики. Легче всего согласиться с тем, что существует нечто такое, как нравственная интуиция. Художественное творчество — благородное дело, оно обладает совестью, составляющей и один из эстетических критериев. С другой стороны — и на эту тему у меня также есть рассуждение в книге «Поэт Назон», — существует иерархия, согласно которой самое главное — чтобы то, что я пишу, произвело наибольшее впечатление на того, кто меня будет читать. И этого я добиваюсь без всяких угрызений совести. Разумеется, здесь возникает противоречие. Мне не под силу это противоречие разрешить, и я представил его в книге.

Что касается Овидия, то речь шла о влиянии его творчества на падение нравов. Тем более что взгляды и планы императора Августа в этой сфере были, мягко говоря, невероятно амбициозными. Он стремился навязать римским гражданам не только нормы семейной, но даже половой жизни, оформляя это законодательно. Я бы сказал, что этот вопрос не потерял злободневности и в наше время. Может быть, уже не светские власти, но церковные институты, духовные лица, а также фанатичные приверженцы различных религий на основе религиозной идеологии узурпируют право решать, что нравственно, а что не только без нравственно, но и подлежит цензуре и наказанию. Это касается и нравов, и художественного творчества. Обвинения предъявляются те же, что и прежде. Меньше, быть может, в отношении литературы — сегодня это больше касается изобразительного искусства. Один за другим возникают различные скандалы. С другой стороны, эти возражения, например, в Польше, не всегда безоговорочно лишены смысла. Меня лично безнравственность произведения искусства — если я ее ощущаю — всегда задевает. Сложность в том, что, как правило, речь идет о произведениях скверных, которые проще не замечать, чем относиться к ним серьезно.

На протяжении почти всей своей жизни я боролся за свободу творчества, за свободу слова. Поэтому с величайшим трудом я мог бы сформулировать свои претензии к произведениям искусства, но иногда мне кажется, что в некоторых из них есть нечто постыдное, отталкивающее. И возникает вопрос: что с этим делать? Как относиться к несомненно возрастающей, становящейся все более опасной нравственной безответственности в культуре нашего времени? Запрещать? —

естественно, нет. Но равнодушно проходить мимо — тоже нельзя. Так что же? Честно говоря, у меня нет четкого ответа, приблизительно так, как у Овидия.

— В 70-е годы вы стали открытым оппозиционером. Вы были одним из основателей и редактором журнала «Запис» — первого литературного периодического издания, выходившего вне цензуры. В одном из эссе, написанном позже, вы назвали свою деятельность «самоубийственным шагом». Почему?

— Что касается творчества, то, вообще говоря, не следует его дополнять комментариями автора. Достаточно того, что он сказал в книге. Я чувствую себя в связи с этим весьма неловко, ибо мне предстоит сделать какое-то дополнение. И оно будет ненужным и гораздо худшим. Короче говоря, этот процесс — исторический, в общественной сфере, в культуре, — который происходил в период между свержением тоталитарного строя, то есть реального социализма, как его называли, и тем порядком вещей, при котором мы живем теперь, этот процесс меня, несомненно, несколько разочаровал, хотя я уже чувствую, что слово «разочарование» сюда не подходит. Лучше было бы сказать «боль». Не может разочаровать то, что ожидалось, а ведь мой первый «самоубийственный шаг» — в «Капризах пожилого господина» их два — стал актом фрустрации и отчаяния из-за пронизательности: коммунизм неприемлем, однако «свободный мир» тоже будет плох, остается самоубийство. Второй отчаянный шаг, парадоксальное решение вступить в борьбу с коммунизмом путем создания «Записа», — это уже не самоубийство в буквальном смысле слова, как прежде, это метафора, хотя «Запис», как известно, существовал реально.

Я, наверное, сказал бы, обратившись еще раз к моему учителю Овидию, что произошло нечто похожее на то, что случилось с человеком, которого сожгли в брюхе медного быка. Это была своеобразная забава, придуманная для тирана Фалариса неким талантливым изобретателем, который предложил приговоренных к смерти сажать внутрь быка и разжигать под ним огонь, а жертвы должны были издавать рычание. Фаларис посадил туда самого изобретателя. Овидий говорит: «Это я в том быке, я там горю, я на собственную гибель создал поэзию. Я — ее жертва!»

«Запис» я считаю делом весьма удачным, это был большой успех для того времени. Я думаю, что самым главным достижением было то, что вообще это издание появилось и привлекло более ста авторов, готовых по идейным

соображениям пойти на риск, подвергая себя репрессиям. Не удалось, правда, сосредоточить в подполье все то литературное творчество, которое можно назвать наиболее ценным с художественной точки зрения, как я себе представлял в мечтах. Сама природа подобного подпольного издательства предполагала некоторую односторонность, слишком сильным был упор на то, чтобы оно представляло политическую оппозицию, чтобы издание «не тратило понапрасну» своих страниц на тексты, которые можно было опубликовать в подцензурных государственных издательствах. До меня доходили протесты — хотя бы тех же печатников, — что они не будут подвергать себя риску оказаться в тюрьме ради какой-то прекраснодушной поэзии, когда речь идет прежде всего о том, чтобы приложить красных мордой об стол. В этом была самая большая трудность. Впрочем, сразу после того, как сменился государственный строй, тоже зазвучали голоса нетерпеливых критиков, и весь этот период подполья очень быстро был квалифицирован как не внесший ничего нового в литературу, не имеющий особой ценности. Я думаю, что это поверхностная и незаслуженная оценка.

— В «Записе» были опубликованы великие произведения таких выдающихся польских писателей, как Анджеевский, Конвицкий, Стрыйковский, Херберт. Они были написаны вовсе не под влиянием конъюнктуры.

— Вот именно.

— Вы — один из тех, кто в книге «Отечественный позор» Яцека Тшнаделя признался в своей очарованности коммунизмом. Вы были вдохновителем и издателем этой книги, которая вышла в неподцензурном издательстве. Почему для многих по сей день важнее эти пять лет безосновательного энтузиазма, чем сорок — расплаты за грехи молодости?

— Я думаю, что русские гораздо лучше знакомы с этой темой. То, что пережили они, было еще тяжелее, их ошибки и отчаяние — еще больше, их героизм и страдания — серьезнее. Я ощущаю некоторое смущение, сознавая, что обращаюсь к русскому читателю. Наши сложности были меньше. У нас не совершалось столь великих преступлений или подлости. Но следует сказать, что и явление это не было описано в достаточной мере. У меня складывается впечатление, что «Отечественный позор» — произведение с некоторым перекосом. Оно написано под влиянием сиюминутного желания досадить нескольким авторам, которые большую часть своей жизни посвятили скорее борьбе с тоталитарным

строим, чем его восхвалению. Что касается меня самого, то я был молод и не очень умен. Я участвовал во всем сознательно, никто меня не принуждал, это был мой идейный выбор, который я, будучи восемнадцатилетним молокососом, сделал, потому что так захотел. И я думаю также, что этот шаг должен остаться неотъемлемой частью всей моей жизни, нельзя его вычеркивать. Наверное, это по праву важнейшая часть моей литературной личности. Таким я был и таким остаюсь со всем моим прошлым. В беседе с Яцеком Тшнаделем мне не удалось представить этого должным образом, пожалуй, гораздо лучше мне удалось это сделать в «Капризах пожилого господина». Дать объективную, справедливую оценку исторических событий можно лишь тогда, когда взираешь на них с определенного расстояния. Если же берешься делать это с близкого расстояния, то получается так, словно стоишь в Закопане и видишь гору Гевонт. Тогда кажется, что это высочайшая вершина, а ведь она — одна из самых небольших.

— Тшнадель упрекал вас в том, что вы были решительно на стороне сталинизма в очерке «Путешествие и малость философии», в котором вы делитесь впечатлениями о том, как в течение месяца находились в СССР. Я восприняла эту книгу совершенно иначе — как коварное разоблачение — и даже была весьма удивлена, что ее разрешили официально напечатать в 1956 году. А может быть, как раз потому, что я вижу в ней те времена уже с гораздо более далекой перспективы?

— Наверное, так оно и есть. У меня самого в то время соответствующей перспективы еще не было. Прошу вас помнить, что писать это я начал в 1954 году. Это были первые попытки проникновения внутрь скорлупы.

— Но вы используете сильные выражения. Например: «Информация и статьи [в советской прессе] редактируются таким образом, что приводимые в них факты и комментарии к ним отчасти отождествляются и должны восприниматься читателями как вещи одинаково бесспорные». Я прошу прощения, но наверное, надо быть последним идиотом, чтобы этого не понять.

— Наверное, уже тогда моя оценка вещей была критической. Но и средствами выражения я располагал тогда весьма скромными. Радиус и масштаб свободного распространения такой критики был ничтожен. Разумеется, можно было и подумать значительно больше и даже написать, но главное заключалось в том, можно ли опубликовать. Это удалось сделать с величайшим трудом лишь спустя два года.

— Бронислав Геремек во время проходившего в Варшаве в 1999 г. конгресса ПЕН-клуба сказал: «Перед творческой интеллигенцией теперь встает необходимость дать ответ на вопрос о том, какой будет культурная форма создающейся в настоящее время европейской общности». Необходимость есть, но в состоянии ли интеллигенция дать ответ? Иначе говоря, можно ли по-прежнему называть миссией участие интеллигенции в общественной жизни?

— Интеллигентам наверняка сложно дать такой ответ. Я думаю, однако, что независимо от того, как это у них получается, они должны это делать. Было бы гораздо хуже, если бы они от таких попыток вообще отказались. Тогда мы жили бы в мире, возможно, весьма комфортабельном, где были бы и всевозможные аппараты, и личные свободы, но в нем нам не хватало бы чего-то весьма существенного, что помогало бы выжить и не сойти с ума. И это нечто всегда давали людям маги, несшие утешение, которые — естественно, ошибаясь, а как иначе: уж такова человеческая судьба — давали им возможность пережить иллюзию, эстетическую и интеллектуальную. Ведь что такое творчество, как не приглашение освоить мир нереального и испытать нечто необыкновенное, в том числе приглашение к вечному блужданию и заблуждению умов? То есть приглашение к культуре. Ведь вовсе не факт, что люди отвергают так называемые авторитеты. Они им нужны. Людям нужно перенимать нечто, что может служить основой их собственной жизненной философии, ибо сами они, как правило, не в состоянии ее придумать. И вот возникает вопрос: будут ли они перенимать это лишь у ритма рок-музыки, у исполнителей песенок, или, быть может, они будут черпать из творчества писателей, таких, как когда-то, например, Томас Манн?

Сейчас возникло понятие «культ». Говорят о культовых книгах, исполнителях и т.д. Это не то переживание, которое мне бы хотелось вызвать у моего читателя. Я не хочу, чтобы вокруг меня создавался культ. Культ — это то, в чем нет мысли.

— В «Капризах пожилого господина» вы столь же свободно рассуждаете об античной культуре, как и о реалити-шоу типа «Большого брата». Вынужден ли сегодня писатель соучаствовать в цивилизации, пронизанной развлечением?

— Вынужден. Но проблема прежде всего заключается в том, как он сумеет этим воспользоваться. Ведь в этой цивилизации присутствует не только развлечение. Если бы для нее была важна только и исключительно развлекательность! — но ее составляют и непристойность, шок омерзения, ужас, насилие

и, наконец, диктатура пошлости. Я не знаю, как нам удастся с этим справиться. Я уже говорю не о себе и своих современниках, скорее о тех, кто придет после нас.

— В своей последней книге «Тринадцать европейских упражнений» вы размышляете над тем, какое место занимает Польша в Европе и Европа в Польше. Ощутили ли себя наконец поляки полноправными европейцами год спустя после вступления в Евросоюз?

— Наверное, еще не до конца, и доказывают они это часто несколько истерически. Мне бы хотелось, чтобы они ощутили себя в Евросоюзе созидателями, а не клиентами, которые вошли и все время опасаются, не обидят ли их. К счастью, эти фобии, сопровождавшие вступление в Евросоюз и поначалу подпитываемые крайне правыми политическими силами, постепенно ослабевают. Пожалуй, нас должны удовлетворять итоги первого года. Случилось также еще нечто: мы объяснили позицию Польши в отношении наших восточных соседей. Они смирились с нашим присутствием в Евросоюзе, хотя реакция на это отнюдь не всегда была самой приятной. Мне бы хотелось в первую очередь, чтобы обе стороны повзрослели. Когда Польша высказывает что-то не очень умное о России, то Россия совершенно правильно не обращает внимания, ибо, наверняка, понимает, что Польша таким образом наносит вред не России, а самой себе. Но мне хотелось бы, чтобы и Россия понимала, что в тот момент, когда она высказывает какую-то глупость о Польше, когда не знает каких-то важных вещей о Польше, не хочет слышать или фальсифицирует правду о Польше — она вредит самой себе. Мы должны относиться к некрасивым жестам политиков с дистанцией. Я надеюсь, что мы сумеем обратиться к совершенно иным традициям, ведь в польско-русских отношениях, наряду с неприятными, существуют и весьма добрые традиции. В тот период, когда мы переживали некий, достойный сожаления обмен грубостями и претензиями, которые позволили себе чиновники и СМИ, к полякам обратились русские писатели. Поступило письмо российского ПЕН-центра от наших друзей, в том числе нескольких моих добрых знакомых, с которыми еще в 1990 г. в Радзеёвицах мы беседовали о двух наших народах, большом и малом,.

Я сотрудничал с русскими писателями очень тесно, когда мы организовывали в Варшаве Всемирный конгресс Международного ПЕН-клуба «Прощание с двадцатым веком». Следующий конгресс состоялся в Москве. Мы обменивались опытом, пытались помогать друг другу. Я помню, как Андрей

Битов и особенно неутомимый защитник прав человека и свободы слова Александр Ткаченко живо участвовали в каждой акции. В Международном ПЕН-клубе мы всегда могли договориться по различным вопросам мирового масштаба, выходящим за рамки наших взаимных отношений. У нас это прекрасно получалось. Поэтому меня несколько не удивило то, что недавно российские писатели проявили такое понимание в отношении Польши и обратились к нам с такими дружескими словами. Сотрудничество художников — гораздо лучше, важнее, прочнее, чем ссоры впавших в запальчивость политиков, а тем более их суфлеров.

Беседу вела Сильвия Фролов